

Глава первая

ДОМ РЕДДЛОВ

Жители деревни Малый Висельтон по старинке называли этот дом "домом Реддлов", хотя семья Реддлов давно уже не жила здесь. Дом стоял на высоком холме лицом к деревне. Окна везде были заколочены, с крыши постепенно осыпалась черепица, а по фасаду буйно и беспрепятственно расползлся плющ. Когда-то прекрасный особняк, размерами и великолепием превосходивший любое строение на многие мили вокруг, дом Реддлов был теперь заброшен и необитаем.

Малые висельтонцы сходились во мнении, что старый дом очень "зловещий". Полвека назад в нём случилось нечто странное и ужасное, нечто такое, о чём старожилы до сих пор любили порассуждать, когда иссякали другие темы для разговора. Историю пересказывали столь часто и снабдили её таким количеством подробностей, что никто уже не знал, что правда, а что нет. Однако, все версии начинались с одного и того же момента, а именно с прекрасного летнего утра пятьдесят лет назад, когда дом Реддлов ещё блистал внушительной и ухоженной красотой. В то утро служанка вошла в гостиную и обнаружила всех троих обитателей дома мёртвыми.

Служанка помчалась с холма, голося на всю округу.

- Лежат! Холодные как лёд! А глаза-то открытые! Как были - в вечерней одежде!

Вызвали полицию. В Малом Висельтоне бурлило потрясённое любопытство и плохо скрываемое возбуждение. Никто особо и не пытался притвориться, что сожалеет о случившемся с Реддлами - их не любили. Эти богачи, старый мистер Реддл с женой, отличались высокомерием и грубостью, а их взрослый сын, Том - и подавно. Жителей деревни волновало только одно - кто убийца. Ясно же, что три внешне вполне

здоровых человека не могут дружно помереть своею смертью в одну ночь.

В тот вечер в "Весельчаке", деревенском пабе, не успевали принимать заказы; вся деревня пришла обсуждать убийство. Люди не пожалели, что покинули родные очаги: в середине вечера прибыла кухарка Реддлов и драматически объявила вдруг замолчавшему собранию, что арестовали Фрэнка Брайса.

- Фрэнка?! - вскричало сразу несколько человек. - Не может быть!

Фрэнк Брайс работал у Реддлов садовником и жил на территории поместья в полуразвалившемся домике. Он вернулся с войны с искалеченной ногой и огромной нелюбовью к шумным сборищам, и с тех пор бессменно работал на Реддлов.

Многие поспешили угостить кухарку стаканчиком, ибо жаждали услышать подробности.

- А я всегда говорила, дурковатый он! - сообщила она напряжённо внимающей толпе после четвертого шерри. - Смурной какой-то вечно. Уж я ль ему не предлагала выпить по чашечке! А он, бывало, насупится, да и разговаривать не желает.

- Бросьте, - вмешалась женщина от стойки, - как-никак человек прошёл войну. Фрэнк любит покой. С какой стати...

- А у кого ж ещё был ключ от задней двери? - бухнула кухарка. - Сколько себя помню, всегда в домике садовника висел запасной ключ! Дверь-то не взломана! Окна не разбиты! Фрэнку всего-то и надо было, пробраться в большой дом, пока все спят...

Народ обменялся мрачными взглядами.

- Мне его вид никогда не нравился, вот что хошь делай, - проворчал мужчина у стойки.

- Это он на войне сделался такой странный, - сказал хозяин заведения.

- Помнишь, я тебе говорила, что не хотела бы познакомиться Фрэнку под горячую руку, помнишь, Дот? - жарко заговорила женщина, сидевшая в

углу.

- Ужасный характер, - усиленно закивал Дот. - Помню, когда он был ещё пацанёнком...

К утру никто уж и не сомневался, что Реддлов прикончил ни кто иной, как Фрэнк Брайс.

Однако, неподалёку, в соседнем городке Большой Висельтон, в мрачном и грязном полицейском участке, Фрэнк упрямо повторял, снова и снова, что он не виноват и что единственно, кого он видел возле дома в день убийства, так это незнакомого, бледного и темноволосого, паренька-подростка. Больше никто в деревне никакого паренька не видел, и в полиции были уверены, что он лишь плод воображения Фрэнка.

Затем, как раз когда над головой бедного Фрэнка совсем уже сгустились тучи, прибыл рапорт о вскрытии - и ситуация совершенно переменялась.

Полицейские никогда ещё не видели более необычного рапорта. Бригада врачей всесторонне исследовала тела и пришла к единодушному заключению, что ни один из членов семьи Реддлов не был отравлен, зарезан, застрелен, задушен, не задохнулся сам и (насколько можно судить) вообще не пострадал. В действительности, сообщалось в рапорте тоном, в котором безошибочно угадывалось бесконечное изумление, все Реддлы пребывали в превосходном здравии - если не считать того факта, что все они были мертвы. Впрочем, доктора не преминули указать (как бы пытаясь отыскать на телах умерших хоть что-нибудь несообразное), что у каждого из Реддлов на лице застыло выражение смертельного ужаса - но, как заметили разочарованные полицейские, где это слыхано, чтобы троих людей одновременно запугали до смерти?

Поскольку не имелось никаких доказательств, что Реддлы вообще были убиты, Фрэнка пришлось отпустить. Реддлов похоронили при маловисельтонской церкви, и их могилы некоторое время служили объектом любопытного внимания. К всеобщему изумлению, Фрэнк Брайс, окруженный туманом недоверчивой подозрительности, вернулся в свой домик в поместье Реддлов.

- А я вам говорю, это он их убил, и мало ли чего там решила полиция, - заявил в "Весельчаке" Дот. - Была б у него совесть, он бы здесь не остался,

коль уж мы все знаем, что он убийца.

Но Фрэнк не уехал. Они остался и ухаживал за садом для следующего семейства, поселившегося в доме Реддлов, а потом и для следующего - никто не задерживался в доме надолго. Может, из-за Фрэнка, а может, и нет, но каждый следующий владелец утверждал, что в доме есть что-то неприятное, подозрительное, и так, в отсутствие обитателей, особняк начал приходить в упадок.

* * *

Нынешний состоятельный владелец дома Реддлов не жил в нём и вообще никак его не использовал; в деревне говорили, что он купил дом "по налоговым соображениям", хотя никто в точности не умел объяснить, что это такое. Состоятельный владелец, тем не менее, продолжал платить Фрэнку за уход за садом. Фрэнк готовился отметить свое семидесятисемилетие. Он почти оглох, хромота сильнее, чем прежде, но всё же в хорошую погоду исправно тыкал совком в клумбы, несмотря на то, что сорняки грозили прорасти сквозь него самого.

Фрэнку приходилось мириться не только с сорняками. Деревенские мальчишки взяли дурную манеру бросаться камнями в окна особняка. Они гоняли на велосипедах прямо по газонам, а ведь Фрэнку стоило такого труда поддерживать их в хорошем состоянии. Пару раз хулиганы осмелились вломиться в старый дом. Они знали, что старик Фрэнк будет до последнего защищать дом и двор, и их забавляло, как он ковыляет на хромотой ноге, угрожающе размахивая палкой и выкрикивая проклятия каркающим голосом. Фрэнк же был убеждён, что мальчишки издеваются над ним потому, что, как и их родители, считают его убийцей. Поэтому, когда однажды августовской ночью он проснулся и заметил, что в доме творится что-то очень и очень странное, то всего-навсего решил, что мучители пошли ещё дальше в своих попытках покарать его.

Фрэнка разбудила боль в ноге; в старости она мучила его как никогда прежде. Он поднялся с постели и, хромотой, спустился в кухню, рассчитывая заново наполнить горячей водой грелку, которая одна могла унять ноющее колено. Стоя перед раковиной и дожидаясь, пока нальётся чайник, он взглянул на дом Реддлов и увидел свет, мерцающий в окнах верхнего этажа. Фрэнк догадался, в чём дело. Опять эти мальчишки! Вломились в

дом и к тому же - судя по отблескам - развели в комнатах костёр!

Телефона у Фрэнка не было, да и в любом случае, со времени своего ареста он питал к полиции глубочайшее недоверие. Он сразу же оставил чайник, поспешил наверх настолько быстро, насколько позволяла больная нога и вскоре уже вновь стоял на кухне полностью одетый и снимал с крючка возле двери запасной ключ. Он захватил свою палку, как всегда прислонённую к стене, и вышел во тьму.

Передняя дверь дома Реддлов не была взломана. Окна тоже были в порядке. Хромая, Фрэнк прошёл вокруг дома к задней двери, почти полностью скрытой плющом, вставил ключ в замочную скважину и бесшумно отворил дверь.

Он прошёл в кухню, похожую на пещеру. Фрэнк не заходил сюда вот уже много лет; тем не менее, он вспомнил, какая дверь ведёт в холл и ощупью направился туда. Его ноздри наполнил запах тлена и разрушения, слух обострился до предела в ожидании малейшего отзвука шагов или голосов. Он достиг холла, где было немного светлее благодаря высоким окнам по обеим сторонам парадной двери, и начал карабкаться вверх по лестнице, благославляя пыль, толстым слоем покрывавшую каменные ступени, так как она заглушала стук подошв и палки.

Оказавшись на площадке, Фрэнк повернулся вправо и сразу понял, где находятся хулиганы: дверь в самом конце коридора была приоткрыта, и сквозь щель неярко мерцал свет, бросая на чёрный пол длинные золотые отблески. Крепко ухватившись за палку, Фрэнк потихоньку продвигался всё ближе и ближе. Остановившись в нескольких футах от порога, он смог увидеть за приоткрытой дверью узкий участок комнаты.

Огонь, как он теперь разглядел, был разожжён в очаге. Это удивило Фрэнка. Он замер и внимательно прислушался. Из комнаты доносился голос какого-то мужчины; тон был робкий и даже испуганный.

- В бутылке кое-что осталось, милорд, если вы всё ещё голодны.

- Позже, - раздался второй голос. Он тоже принадлежал мужчине, но звучал странно: пронзительно и холодно, как порыв ледяного ветра. Было в нём что-то такое, что заставило редкие волосы на затылке Фрэнка встать дыбом. - Придвинь меня поближе к огню, Червехвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Звякнула бутылка, поставленная на некую твёрдую поверхность, ножки кресла тяжело и глухо проскребли по полу. В проёме спиной к Фрэнку промелькнул маленький человечек, он толкал кресло к камину. На нём был длинный чёрный плащ, на затылке - небольшая лысина. Потом человечек вновь исчез из виду.

- Где Нагини? - спросил ледяной голос.

- Не... не знаю, милорд, - нервически задрожал в ответ первый голос. - Осматривает дом, я полагаю...

- Ты должен подоить её перед тем, как мы отправимся спать, Червехвост, - приказал второй голос. - Ночью мне понадобится питание. Путешествие крайне утомило меня.

НаМоудив бровь, Фрэнк наклонил слышащее ухо ещё ближе к двери и напряжённо прислушался. После паузы человек по кличке Червехвост снова заговорил:

- Милорд? Позвольте спросить, как долго мы намерены оставаться здесь?

- Неделю, - ответил ледяной голос. - Может быть, дольше. Здесь достаточно удобно, а дальнейшее развитие плана пока невозможно. Глупо действовать, пока не кончится чемпионат мира по квиддичу.

Фрэнк сунул в ухо шишковатый палец и повертел там. Видимо, опять сера скопилась - иначе откуда бы такое странное слово "квиддич"? Да это и не слово вовсе.

- Чем... чемпионат по квиддичу, милорд? - переспросил Червехвост. (Фрэнк интенсивнее повертел пальцем в ухе). - Простите меня, но... я не понимаю... зачем нам ждать окончания чемпионата?

- Затем, идиот, что сейчас в страну уже начали прибывать колдуны со всего мира и все эти болваны из министерства магии будут на чеку, будут искать малейшие признаки необычной активности, проверять и перепроверять удостоверения личности. Они же помешаны на секретности - не дай бог, маглы что-то заметят! Поэтому мы лучше подождём.

Фрэнк оставил попытки прочистить ухо. Он явственно расслышал слова: "министерство магии", "колдуны" и "маглы". Без сомнения, каждое из этих выражений что-то обозначает, что-то секретное. Фрэнк было известно лишь два типа людей, употребляющих зашифрованные выражения - стало быть, это либо шпионы, либо преступники. Фрэнк покрепче упёрся в пол палкой и стал слушать ещё внимательнее.

- Значит, ваша светлость, вы полны решимости? - тихонько спросил Червехвост.

- Разумеется, я полон решимости, Червехвост. - В ледяном голосе зазвучала неприкрытая злоба.

Еле заметная пауза - а затем Червехвост заговорил. Слова сыпались из него словно кувыркаясь, как будто он спешил высказать свою мысль раньше, чем потеряет кураж.

- Это можно сделать и без Гарри Поттера, милорд.

Ещё одна пауза, более значительная, а затем...

- Без Гарри Поттера? - еле слышно выдохнул второй голос. - Понятно...

- Милорд, я говорю это не потому, что забочусь о мальчишке! - голос Червехвоста повысился до визга. - Мальчишка для меня ничего не значит, совсем ничего! Я говорю это только потому, что, если бы мы могли использовать другого колдуна или ведьму - любого другого колдуна или ведьму! - дело сладилося бы гораздо быстрее! Если бы вы согласились отпустить меня ненадолго - вы же знаете, что я умею превосходно маскироваться - я бы вернулся с подходящим человеком не позднее, чем через два дня...

- Я мог бы использовать другого колдуна, - по-прежнему тихо сказал второй голос, - это правда...

- Милорд, это более чем разумно, - в голосе Червехвоста слышалось огромное облегчение, - потому что достать Гарри Поттера так сложно, его так тщательно охраняют...

- Что, ты готов привести замену? Интересно... может быть, тебе,

Червехвост, стало слишком тяжело выкармливать меня? Может быть, это предложение изменить первоначальный план есть ни что иное, как попытка сбежать от меня?

- Милорд! Я вовсе не хочу покидать вас, у меня нет ни малейшего...

- Не смей мне лгать! - зашипел второй голос. - Я всегда знаю, когда ты лжёшь, Червехвост! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я тебе отвратителен. Я же вижу, как ты кривишься, когда смотришь на меня, вижу, как ты содрогаешься, когда прикасаешься ко мне...

- Нет! Моя преданность вашей светлости...

- Твоя преданность - ничто в сравнении с твоей трусостью. Ты не был бы здесь, если бы тебе было куда пойти. Как я смогу выжить без тебя, когда меня необходимо кормить каждые несколько часов? Кто будет доить Нагини?

- Но вы так окрепли за последнее время, милорд...

- Лжец, - выдохнул второй голос. - Я вовсе не окреп, а за несколько дней в одиночестве могу лишиться и того весьма сомнительного здоровья, которое обрёл благодаря твоей неуклюжей заботе. Тихо!

Червехвост, безостановочно бормотавший что-то невразумительное, мгновенно умолк. В течение нескольких секунд Фрэнк слышал только, как в камине потрескивает огонь. Затем второй человек снова заговорил шёпотом, более всего напоминавшим змеиное шипение.

- У меня свои причины, чтобы использовать именно мальчишку, как я тебе уже объяснял, и я не намерен менять его на кого-либо другого. Я ждал тринадцать лет. Подожду и ещё несколько месяцев. Что касается мер безопасности, предпринимаемых в отношении мальчишки, то, я уверен, мой план сработает. А от тебя, Червехвост, требуется лишь немного отваги - и ты найдёшь её в себе, если только не хочешь почувствовать всю полноту гнева Лорда Вольдеморта...

- Милорд, позвольте сказать! - в панике закричал Червехвост. - Во всё время нашего путешествия я снова и снова обдумывал ваш план - милорд, исчезновение Берты Джоркинс не может долго оставаться незамеченным и,

если мы решим продолжать, если я наложу проклятие на...

- Если? - ужасным шёпотом переспросил второй голос. - Если? Если ты будешь действовать по плану, Червехвост, в министерстве никогда не догадаются, что исчез кто-то ещё. Ты сделаешь всё тихо, без суеты; единственное, чего бы мне хотелось, так это сделать всё самому, но... в моём нынешнем положении... Действуй, Червехвост! Осталось устранить всего одно препятствие, и - путь к Гарри Поттеру свободен! Я не требую от тебя, чтобы ты работал в одиночку. Нет, к тому времени к нам присоединится мой верный слуга...

- Я ваш верный слуга, - сказал Червехвост с еле заметной обидой в голосе.

- Червехвост, мне нужен тот, у кого есть мозги, тот, кто ни на минуту не дрогнул в своей преданности, а ты, к несчастью, не удовлетворяешь ни одному из требований.

- Это я вас нашёл, - сейчас обида Червехвоста проступила явственно, - я! И я привёл к вам Берту Джоркинс.

- Это правда, - отозвался второй человек с некоторым изумлением. - Проблеск гения, которого я, признаться, не ожидал от тебя, Червехвост - хотя, если уж начистоту, ты не осознавал, насколько она окажется полезной, когда поймал её, ведь правда?

- Я... я сразу подумал, что она может оказаться полезной, милорд...

- Лжец, - заявил второй голос, и его жестокое изумление обозначилось явственнее. - При этом, не отрицаю, её информация была бесценна! Без неё мой план был бы попросту невозможен, и за это ты будешь вознаграждён, Червехвост. Я позволю тебе исполнить для меня одно чрезвычайно важное дело, такое, за право выполнить которое многие из моих последователей охотно отдали бы правую руку...

- П-п-правда, милорд? А какое?... - Червехвост опять пришёл в ужас.

- Ах, Червехвост, ты же не хочешь, чтобы сюрприз был испорчен? Твоя роль - в самом конце спектакля... Но обещаю, тебе будет предоставлена честь внести столь же важную лепту, как и Берта Джоркинс.

- Вы... вы... - Червехвост вдруг охрип. - Вы... собираетесь... убить и меня тоже?

- Червехвост, Червехвост, - укорил ледяной голос, - ну зачем мне убивать тебя? Берту пришлось убить, после допроса она ни на что больше не годилась, совершенно ни на что. Да и в любом случае, представь, какие вопросы ей стали бы задавать, если бы она вернулась в министерство с известием, что повстречала тебя во время каникул. Предположительно покойным колдунам не следует встречаться с министерскими ведьмами в придорожных гостиницах...

Червехвост пробормотал что-то так тихо, что Фрэнк не расслышал, но это заставило второго человека расхохотаться - смехом, лишённым всякой радости, ледяным, как и его голос.

- Модифицировать её память? Но заклятия забвения так легко снимаются умелыми колдунами - я сам это доказал, когда допрашивал её. Кроме того, было бы оскорблением её памяти не использовать ту информацию, которую я извлёк.

В этот момент, в коридоре, Фрэнк внезапно осознал, что рука, которой он хватается за палку, стала скользкой от пота. Человек с ледяным голосом убил женщину. И говорит об этом без тени сожаления - как о забаве. Он опасен - маньяк. И он планирует новое убийство - этого мальчика, Гарри Поттера. Кто бы он ни был, он в опасности...

Фрэнк знал, что следует делать. Если когда и нужно обращаться в полицию, так это именно сейчас. Он выберется из дома и направится напрямик в деревню, к телефонной будке... Тут ледяной голос зазвучал снова, и Фрэнк застыл на месте, вслушиваясь в каждый звук.

- Ещё одно проклятие... мой верный слуга в "Хогвартсе"... и Гарри Поттер - мой! Решено. Больше никаких споров. Но тихо... кажется, я слышу Нагини...

Голос второго человека переменился. Он стал издавать звуки, каких Фрэнк никогда раньше не слыхивал; он, не переводя дыхания, шипел и брызгал слюной. Фрэнк решил, что это, наверное, припадок.

Вдруг сзади, в коридоре, послышалось какое-то движение. Фрэнк

обернулся - и его парализовало от страха.

По полу ползком приближалось нечто, и когда оно оказалось в полосе света от камина, он в ужасе осознал, что это гигантская змея футов, по меньшей мере, двенадцать в длину. Поражённый, онемевший, Фрэнк смотрел, как волнообразнодвигающееся тело прорезает в пыли широкую дугу и подползает всё ближе, ближе... Что делать? Спрятаться можно только в той комнате, где те двое планируют убийство, и всё-таки, если остаться здесь, то змея, скорее всего, убьёт его...

Раньше, чем он успел принять решение, змея поравнялась с ним, а затем - непостижимо, просто чудо какое-то! - проползла мимо, влекомая шипящими, плюющими звуками, которые издавал человек с ледяным голосом. Мгновение - и её узочатый, словно усеянный бриллиантами хвост исчез за дверью.

Фрэнка прошиб пот, рука, державшая палку, задрожала. Из комнаты несло шипение, и старика посетила странная, невозможная мысль... Этот человек умеет говорить по-змеиному.

Фрэнк ничего не понимал. Больше всего на свете он хотел бы сейчас оказаться в своей постели со своей грелкой. Пока он трясся и старался взять себя в руки, ледяной голос вдруг вновь заговорил на нормальном английском языке.

- Нагини принесла нам интересное известие, Червехвост. - сказал он.

- В с-с-самом д-деле, м-милорд? - отозвался Червехвост.

- В самом деле, - подтвердил голос. - По словам Нагини, за дверью стоит старый маг и слушает наш разговор.

У Фрэнка не было возможности спрятаться. Раздались шаги, и дверь в комнату распахнулась.

На пороге стоял низкорослый сидящий мужчина с острым носом и маленькими водянистыми глазками, и на лице его отражался страх, смешанный с тревогой.

- Пригласи его войти, Червехвост. Куда подевались твои хорошие манеры?

Ледяной голос доносился из старинного кресла, повёрнутого к огню. Фрэнк не видел говорившего. Но он видел, что на полусгнившем коврик у камина свернулась змея - жуткая пародия на домашнее животное.

Червехвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на непроходимое потрясение, старик посильнее ухватился за палку и, прихрамывая, переступил порог.

Камин был единственным источником света в комнате; он отбрасывал на стены длинные, паукообразные тени. Фрэнк смотрел на задник кресла; человек, сидевший в нём, видимо, был ещё меньше, чем его слуга, потому что Фрэнк не видел даже макушки.

- Ты всё слышал, магл? - прозвучал ледяной голос.

- Как это вы меня называли? - спросил Фрэнк с вызовом, поскольку теперь, когда он находился внутри комнаты, теперь, когда пришло время действовать, он почувствовал себя храбрее; вот и на войне всегда было так же.

- Я назвал тебя маглом, - невозмутимо объяснил голос. - Это означает, что ты не колдун.

- Не знаю, что вы имеете в виду под словом "колдун", - голос Фрэнка окреп, - знаю только, что слышал сегодня достаточно, чтобы вами заинтересовалась полиция, уж будьте уверены. Вы совершили убийство и затеываете ещё одно! И ещё кое-что я вам скажу, - добавил он по наитию, - моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь...

- У тебя нет никакой жены, - очень спокойно оборвал голос. - Никто не знает, где ты. Ты никому не говорил, что идёшь сюда. Бесплезно лгать Лорду Вольдеморту, ибо он видит... он всё видит...

- Ах вот как? - грубо выпалил Фрэнк. - Лорд, стало быть? Ну и манеры же у вас, дорогой лорд. Повернулись бы лицом, как подобает человеку!

- Но я не человек, магл, - еле слышный за потрескиванием поленьев, произнёс голос. - Я гораздо, гораздо больше, чем просто человек... Однако... почему бы и нет? Я повернусь к тебе лицом... Червехвост, будь любезен, разверни кресло.

- Слуга издал какое-то поскуливание.

- Ты слышал меня, Червехвост.

Медленно-медленно, гадливо сморщившись, так, словно он готов был на что угодно, лишь бы не приближаться к своему господину и коврику, где лежала змея, маленький человечек подошёл и начал разворачивать кресло. Змея подняла мерзкую треугольную голову и легонько зашипела, когда ножки кресла задели за её коврик.

И вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что в нём сидит. Палка со стуком упала на пол. Он открыл рот и завопил. Он завопил так громко, что не услышал тех слов, которые произнесло создание, сидевшее в кресле, когда оно подняло в воздух палочку. Ослепительно полыхнуло зелёным, что-то просвистело в воздухе, и Фрэнк Брайс упал как подкошенный. Он умер раньше, чем коснулся пола.

В двухстах милях от места этих событий мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ШРАМ

Гарри лежал на спине, дыша тяжело, как после длительной пробежки. Он проснулся от очень яркого сна, прижимая к лицу ладони. На лбу под пальцами адской болью полыхал старый шрам, словно кто-то только что вдавил ему в кожу раскалённую проволоку.

Он сел, не отнимая одной руки от шрама, а другой нашаривая в темноте очки, оставленные на прикроватной тумбочке. Он надел их, и предметы в комнате, тускло освещенной проникавшим сквозь занавески рассеянным оранжевым светом уличного фонаря, обрели более ясные очертания.

Гарри осторожно провёл пальцами по шраму. Всё ещё больно. Он включил настольную лампу, вылез из постели, прошёл по комнате, открыл шкаф и посмотрел в зеркало на внутренней стороне дверцы. Оттуда недоумённо глядел худенький мальчик лет четырнадцати, со встрёпанными чёрными волосами и яркими зелёными глазами. Он внимательно рассмотрел свой лоб. Шрам, в форме зигзага молнии, выглядел как обычно, но сильно саднил.

Гарри попытался припомнить сон, от которого проснулся. Всё в нём казалось таким реальным... там было двое знакомых ему людей и один незнакомый... хмурясь, он напряжённо думал, стараясь вспомнить...

В голове всплыла картинка: полутёмная комната... змея на коврике у камина... человечек по имени Питер, по прозвищу Червехвост... высокий ледяной голос.... голос Лорда Вольдеморта. При одной мысли о нём по пищеводу в живот будто бы проскользнул кубик льда...

Гарри крепко зажмурился и постарался припомнить, как выглядел Вольдеморт, но не смог... помнил только, что, едва кресло было повернуто и ему стало видно то, что в нём сидит, он испытал такой ужас, что мгновенно

проснулся... А может, его разбудила боль во лбу?

И что это был за старик? Там точно был какой-то старик; Гарри видел, как он упал на пол. В голове всё перемешалось; мальчик прижал ладони к лицу, чтобы не видеть комнаты и удержать видение, но это было всё равно что пытаться удержать в руках воду; чем сильнее он цеплялся за воспоминания, тем быстрее они исчезали из памяти... Вольдеморт и Червехвост говорили о ком-то, кого они убили... Гарри никак не мог вспомнить имени... и они собирались убить кого-то ещё... его самого!

Гарри убрал руки от лица, открыл глаза и обвёл комнату странным взглядом, словно ожидал увидеть что-то необычное. Правду сказать, в комнате действительно хватало необычных вещей. В изножье кровати стоял открытый деревянный сундук, где лежали котёл, метла, чёрная колдовская одежда и разнообразные книги заклинаний. Письменный стол, точнее, ту его часть, которая не была занята большой пустой клеткой, где обычно восседала полярная сова Хедвига, покрывали многочисленные пергаментные свитки. На полу возле кровати лежала открытая книга; вечером Гарри читал её, пока не заснул. Люди на иллюстрациях двигались. Мужчины в ярко-оранжевых одеждах гоняли на метлах, то появляясь, то исчезая из поля зрения, и перебрасывали друг другу красный мяч.

Гарри подошёл к книжке, поднял её с пола, проследил, как один из колдунов забил весьма впечатляющий гол в кольцо, расположенное на шесте пятидесятифутовой высоты. И захлопнул книгу. Сейчас даже квиддич - по мнению Гарри, самая интересная игра на свете - не мог отвлечь его от тяжёлых мыслей. Он положил "Полёты с "Пушками" на тумбочку, подошёл к окну, раздвинул занавески и выглянул на улицу.

Бирючая аллея выглядела так, как и подобает почтенной пригородной улице в субботу перед рассветом. Все окна зашторены. И, насколько можно различить в темноте, в поле зрения нет ни единого живого существа, даже кошки.

И всё же... всё же... Гарри в тревоге вернулся к кровати и сел, снова водя пальцем по шраму. Его беспокоила вовсе не боль; он был привычен к боли, и к разнообразным травмам. Однажды он вообще лишился костей в правой руке и пережил кошмарную ночь, во время которой все они выросли заново. В другой раз ту же самую руку насквозь пронзил

ядовитый змеиный зуб футовой длины. Не далее как в прошлом году Гарри упал с метлы с высоты в пятьдесят футов. Короче говоря, для него не было ничего необычного в самых странных несчастных случаях и повреждениях; в сущности, они неизбежны, если ты учишься в "Хогвартсе", школе колдовства и ведьминских искусств и вдобавок обладаешь способностью вляпываться в истории.

Беспокоило его другое. В прошлый раз шрам болел тогда, когда Вольдеморт был рядом... но ведь сейчас его нет... невозможно себе и представить, чтобы Чёрный Лорд рыскал ночью по Бирючной аллее, это абсурд...

Гарри напряжённо вслушался в тишину ночи. Ожидал ли он услышать скрип ступеней, шорох мантии? Внезапно он вздрогнул - но это всего лишь раздался мощный храп двоюродного брата Дадли.

Гарри внутренне встряхнулся; нельзя же так глупить; в доме нет никого, кроме дяди Вернона, тёти Петуньи и Дадли, и все они сейчас спят сладким сном.

Надо сказать, что именно в таком виде - во сне - Дурсли устраивали Гарри более всего; когда они бодрствовали, радости от них было мало. Дядя Вернон, тётя Петунья и Дадли, единственные родственники Гарри, были маглами (неколдунами) и всячески презирали и ненавидели колдовство во всех его проявлениях, у них в доме Гарри чувствовал себя каким-то сушёным навозом. Последние три года, чтобы как-то объяснить длительное отсутствие племянника, Дурсли говорили соседям, что он воспитывается в заведении св. Грубуса - интернате строгого режима для неисправимо-преступных типов. Дяде и тёте было прекрасно известно, что несовершеннолетним колдунам запрещается заниматься магией вне стен "Хогвартса", но они всё же склонны были винить племянника во всех происшествиях в доме. Мысль о том, чтобы довериться родственникам, казалась нелепой, Гарри никогда не рассказывал им о своей жизни в колдовском мире. Представить себе, что он пойдёт к ним, когда они проснутся, и пожалуется на боль во лбу, поведает о своём беспокойстве по поводу Вольдеморта - да это просто смешно!

Тем не менее, изначально Гарри оказался у Дурслей именно из-за Вольдеморта. Если бы не Вольдеморт, у него не было бы шрама. Если бы

не Вольдеморту, у него были бы родители...

Гарри был всего годик, когда однажды ночью Вольдеморту - самый могущественный чёрный маг столетия, колдун, в течение одиннадцати предшествующих лет набравший всё большую силу - явился к ним в дом и убил его родителей. Потом Вольдеморту обратил свою волшебную палочку на Гарри; он произнёс проклятие, которое смело с его пути к власти многих и многих взрослых колдунов и ведьм - но оно чудесным образом не сработало. Вместо того, чтобы прикончить малыша, проклятие рикошетом ударило по Вольдеморту. Гарри отделался небольшим шрамом в форме зигзага молнии, а Вольдеморту превратился в нечто жалкое, еле живое. Лишившись колдовской силы, практически лишившись самой жизни, Вольдеморту исчез; кошмар, в котором так долго существовало тайное колдовское сообщество, рассеялся, приспешники Вольдеморта разбежались, а Гарри Поттер сделался знаменит.

Когда в свой одиннадцатый день рождения Гарри узнал, что он колдун, это явилось для него изрядным потрясением; в ещё большее замешательство привёл его тот факт, что в скрытом от посторонних глаз колдовском мире каждый ребёнок знает его имя. Оказавшись в "Хогвартсе", Гарри не сразу освоился с тем, что, куда бы он ни пошёл, вслед ему поворачиваются все головы и несётся взволнованный шепоток. Теперь-то он привык, как-никак осенью идёт уже в четвёртый класс. Гарри с нетерпением считал дни, отделяющие его от счастливого момента, когда он вернётся в любимый замок.

До возвращения в школу оставалось целых две недели. Гарри вновь безнадежно обвёл глазами комнату, и его взгляд задержался на поздравлениях с днём рождения, присланных двумя лучшими друзьями в конце июля. Что бы они сказали, если бы он написал им про шрам?

Моментально в голове зазвенел встревоженный голос Гермионы Грейнджер.

"Опять болит шрам? Гарри, это очень серьезно... Срочно напиши профессору Дамблдору! А я пойду посмотрю "Справочник наиболее распространённых колдовских заболеваний и недугов"... Может, там есть что-нибудь про шрамы от проклятий..."

Да, именно это и посоветовала бы Гермиона: обращайся напрямую к директору "Хогвартса", а пока суд да дело, загляни в книгу. Гарри уставился в окно, в чернильно-синие небеса. Он сильно сомневался, что книга сможет ему помочь. Насколько ему известно, он единственный человек на земле, переживший проклятие, подобное проклятию Вольдеморта; а следовательно, вряд ли такие симптомы описаны в "Справочнике наиболее распространённых колдовских заболеваний и недугов". Что же касается обращения к директору, то Гарри понятия не имел, где Дамблдор проводит отпуск летом. Он отвлёкся на минуту, забавляясь тем, что представлял Дамблдора - с длинной серебристой бородой, в полном колдовском облачении и островерхой шляпе - лежащим на пляже и втирающим лосьон для загара в крючковатый нос. Разумеется, где бы Дамблдор ни находился, Хедвига непременно отыщет его; Гарринова сова ещё ни разу не сплеховала при доставке писем, пусть даже без адреса. Только вот что написать?

Уважаемый профессор Дамблдор! Извините, что беспокою Вас, но сегодня ночью у меня болел шрам. Искренне Ваш, Гарри Поттер.

Даже в воображении послание звучало глупо.

Тогда он попытался представить реакцию второго своего друга, Рона Уизли. Сразу же перед внутренним взором всплыла длинноносая, веснушчатая физиономия с вытаращенными от удивления глазами.

"Шрам болит? Но... ведь Вольдеморт не может сейчас быть рядом, правда? Я хочу сказать... ну, ты бы ведь почувствовал, правда? И он бы тогда опять бы попытался тебя достать, правда? И вообще, Гарри, я не знаю, может, шрамы от проклятий всегда немножечко зудят... Надо будет спросить у папы..."

Мистер Уизли, будучи высококвалифицированным колдуном, работал в министерстве магии, в отделе неправильного использования магловых предметов быта, но, по Гарриным сведениям, не являлся специалистом по проклятиям. Да и любом случае, Гарри претила мысль, что вся семья Уизли узнает о том, что он, Гарри, поднимает панику по поводу минутной боли во лбу. Миссис Уизли начнёт суесться похуже, чем Гермиона, а шестнадцатилетние братья-близнецы Рона, Фред с Джорджем, скорее всего, решат, что он потерял самообладание. Гарри обожал семейство Уизли; он

очень надеялся, что они, может быть, вскоре пригласят его к себе (Рон же говорил что-то про чемпионат мира по квиддичу), и ему очень не хотелось, чтобы его пребывание в гостях омрачалось постоянными расспросами про шрам.

Гарри потёр лоб костяшками пальцев. Чего бы ему действительно хотелось (и было почти что стыдно признаваться в этом даже самому себе), так это кого-то вроде... вроде родителя: взрослого колдуна, чьего совета он мог бы спросить без того, чтобы почувствовать себя дураком, кого-то, кто беспокоился бы о нём, и у кого был бы опыт обращения с чёрной магией...

И тут к нему пришло решение. Это было так просто и так очевидно, непонятно, как это он сразу не додумался - Сириус!

Гарри вскочил с кровати, подбежал к столу и сел; подтащил к себе пергамент, окунул орлиное перо в чернила, написал: "Дорогой Сириус!" и задумался, как бы получше облечь в слова свою тревогу, продолжая в то же время удивляться, почему он сразу не подумал о Сириусе. Хотя, если разобраться, в этом нет ничего удивительного - о том, что Сириус его крёстный, Гарри узнал всего два месяца назад.

До этого Сириус отсутствовал в жизни крестника по вполне объяснимой причине - он сидел в Азкабанае, страшной колдовской тюрьме, охраняемой жуткими существами, которые назывались дементоры. После побега Сириуса эти незрячие, душесосущие демоны явились за ним в "Хогвартс". При этом Сириус был невиновен - убийства, за которые его осудили, совершил Червехвост, приспешник Волдеморта, которого практически все считали погибшим. Однако, Гарри, Рону и Гермионе была известна правда о Червехвосте, в прошлом году они столкнулись с негодяем лицом к лицу, но их рассказу тогда поверил один лишь Дамблдор.

В продолжение одного-единственного восхитительного часа Гарри думал, что наконец-то уедет от Дурслей - Сириус предложил ему жить с ним, как только с него будут сняты все обвинения. Но счастливая возможность ускользнула - Червехвост сбежал раньше, чем его успели сдать представителям министерства магии. Сириусу пришлось спасаться бегством. Гарри участвовал в организации его побега. Сириус улетел на гиппогрифе по кличке Конькур и с тех пор скрывался. Всё лето Гарри преследовал образ дома, который мог бы у него быть, если бы Червехвост

не сбежал. Было вдвойне трудно возвращаться к Дурслеям, зная, что, если бы не трагическая случайность, он бы избавился от них навсегда.

Несмотря ни на что, Сириус очень помогал своему крестнику, хотя и не имел возможности быть с ним. Благодаря Сириусу Гарри теперь мог держать школьные принадлежности у себя в комнате. Раньше Дурсли такого не позволяли; их основное желание - причинять Гарри как можно больше неприятностей - помноженное на страх перед его колдовскими способностями, привело к тому, что в предыдущие годы они запирали сундук со школьными вещами в шкафу под лестницей. Однако, их отношение переменялось, стоило им узнать, что крёстным отцом Гарри является маньяк-убийца - Гарри "забыл" упомянуть, что Сириус невиновен.

Со времени возвращения на Бирючиновую аллею Гарри получил от Сириуса два письма. Оба они были доставлены не совами (обычный способ доставки в колдовском мире), а большими, яркими тропическими птицами. Хедвига относилась к вторжениям этих броских созданий неодобрительно и лишь с огромной неохотой позволяла им напиться из своей поилки перед обратной дорогой. А вот Гарри эти птицы нравились; они ассоциировались у него с пальмами и белым песком и позволяли надеяться, что, где бы ни находился Сириус (он умалчивал об этом в письмах, на случай, если те попадут в чужие руки), он наслаждается жизнью. Гарри как-то не мог себе представить, чтобы дементоры смогли долго просуществовать под ярким солнцем; может, поэтому Сириус и отправился на юг? Его письма, надёжно спрятанные под чрезвычайно удобной неприбитой половицей у Гарри под кроватью, были веселы, и в обоих он призывал мальчика обращаться к нему в случае необходимости. Что ж, вот она, необходимость...

Свет настольной лампы потускнел - наступил холодно-серый предрассветный час. Наконец, когда, позолотив стены комнаты, взошло солнце, и из спальни дяди Вернона и тётки Петунии послышались первые шорохи, Гарри сбросил со стола скомканные листы пергамента и перечитал только что законченное письмо.

Дорогой Сириус!

Спасибо за письмо, эта птица была такая громадная, что с трудом пролезла в окно.

У нас тут всё как обычно. С диетой у Дадли не очень продвигается. Тётя обнаружила, что он тайком протаскивает в свою комнату пончики. Ему пригрозили, что урежут карманные деньги, если так будет продолжаться, он разозлился и выкинул в окно игровую приставку. Это что-то вроде компьютера, на котором можно играть в игрушки. Всё равно это очень глупо с его стороны, теперь он даже не сможет играть в свой любимый "Мегамордобой-3", и ему не на что будет отвлечься.

У меня всё хорошо, в основном потому, что Дурсли боятся, как бы ты не объявился и не превратил их по моей просьбе в летучих мышей.

Вот только этой ночью случилась странная вещь. У меня опять разболелся шрам. Последний раз это было, когда Вольдеморт был в "Хогвартсе". Но я не думаю, что он сейчас может быть где-то рядом. А ты как думаешь? Ты не слышал, может быть, шрамы от проклятий могут болеть много лет спустя?

Я пошлю это письмо с Хедвигой, когда она вернётся, она сейчас улетела поохотиться. Передавай от меня привет Конькуру.

Гарри

Что ж, подумал Гарри, вышло вроде бы нормально. Не стоит описывать сон, а то получится, как будто он испугался. Он скатал пергамент и положил его сбоку на столе, чтобы сразу отдать Хедвиге, как только она прилетит. Потом встал, потянулся и снова открыл шкаф. Не глядя в зеркало, Гарри оделся к завтраку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИГЛАШЕНИЕ

Когда Гарри пришёл на кухню, Дурсли уже собрались за столом. На него не обратили внимания ни тогда, когда он вошёл, ни тогда, когда он сел на своё место. Громадное красное лицо дяди Вернона скрывалось за утренней "Дейли Мейл". Тётя Петунья, поджав губы и скрыв тем самым лошадиные зубы, делила грейпфрут на четыре части.

Дадли пребывал в крайне дурном расположении духа. Отчего-то казалось, что он занимает за столом гораздо больше места чем обычно - а это кое-что, да значило, поскольку он всегда занимал всю сторону большого квадратного стола целиком. С боязливым: "А это нашему Дюдюшечке" тётя Петунья положила Дадли на тарелку четвертинку неподслащённого грейпфрута. Дадли гневно воззрился на неё. Со времени возвращения из школы жизнь обходилась с ним чересчур сурово.

Нет, плохим оценкам дядя Вернон и тётя Петунья, как всегда, нашли оправдание; тётя Петунья утверждала, что Дадли очень одарённый мальчик, и учителя просто не способны его понять, а дядя Вернон убеждал всех и каждого, что ему вообще не нужен зубрила-маменькин сынок. Они также умудрились деликатно обойти выдвинутые в табеле обвинения в хулиганстве и жестокости - "Дадли, конечно, весьма активный ребёнок, но он и мухи не обидит!" - сквозь слёзы заявила тётя Петунья.

Однако, в конце учительского отзыва рукой школьной медсестры в очень тактичных выражениях было приписано такое, против чего ни дядя, ни тётя возразить не могли. Сколько бы ни причитала тётя Петунья, что у её сына крупная кость и что его вес - это в основном детский жирок, и что растущему организму требуется хорошее питание, факт оставался фактом: на школьном складе не были предусмотрены гольфы такого размера. Школьная медсестра обратила внимание на то, чего глаза тёти Петунии - такие острые, когда речь шла об отпечатках пальцев на сверкающих

чистотой стен или о времени прихода и ухода соседей - попросту не желали видеть: Дадли не только не нуждался в дополнительном питании, но давно уже приобрёл габариты молодого кита-убийцы.

Итак - после многочисленных скандалов и споров, сотрясавших пол Гарриной комнаты, после обильных потоков слёз, пролитых тётей Петунией - в доме был введён новый режим. Листок с диетой, рекомендованной школьной медсестрой, прикрепили к дверце холодильника, а сам холодильник полностью очистили от всего того, что так любил Дадли - от шипучих напитков, шоколадок и бургеров - и вместо этого наполнили овощами, фруктами, одним словом, тем, что дядя Вернон называл "силосом". Чтобы Дадли было не так обидно, тётя Петунья настояла, чтобы диеты придерживалась вся семья. Она передала Гарри четвертинку грейпфрута, гораздо меньшую, чем четвертинка Дадли. Видимо, тётя Петунья считала, что для поддержания у сына боевого духа нужно, чтобы он, по крайней мере, получал больше еды, чем Гарри.

Но тётя Петунья не знала, что припрятано у Гарри наверху под неприбитой доской. Она понятия не имела, что Гарри вовсе не придерживается диеты. Дело в том, что, как только Гарри почувствовал, что ему предстоит пережить лето на сырой морковке, он разослал друзьям письма с мольбой о помощи, и те проявили редкостную отзывчивость. От Гермионы Хедвига вернулась с огромной коробкой не содержащих сахара батончиков (родители Гермионы были зубными врачами). Хагрид, дворник "Хогвартса", откликнулся целым мешком печенья собственного изготовления (впрочем, печенье Гарри пока не трогал, кулинарные способности Хагрида были ему слишком хорошо известны). Миссис Уизли прислала Эррола, семейного филина, с громадным фруктовым пирогом и многочисленными пирожными. Бедняге Эрролу, который был очень стар и слаб, потребовалось целых пять дней, чтобы прийти в себя после трудного путешествия. Потом на день рождения (который Дурсли полностью проигнорировали) Гарри получил четыре великолепных именинных пирога, по одному от Рона, Гермионы, Хагрида и Сириуса. Два у него ещё осталось и поэтому, предвкушая настоящий завтрак у себя в комнате, Гарри спокойно приступил к грейпфруту.

Неодобрительно фыркнув, дядя Вернон отложил газету и посмотрел в собственную тарелку.

- И это всё? - ворчливо обратился он к тёте Петунии.

Тётя Петунья метнула на него свирепый взгляд, а потом выразительно показала подбородком на Дадли. Тот уже покончил со своим грейпфрутом и маленькими пороссячьими глазками кисло косился на Гарри.

Дядя Вернон издал глубокий вздох, отчего зашевелились его густые, кустистые усы, и взялся за ложку.

Раздался звонок в дверь. Дядя Вернон тяжело поднялся со стула и направился в прихожую. С быстротой молнии, пока мать возилась с чайником, Дадли украл у отца грейпфрут.

Гарри услышал разговор у двери, чей-то смех и резкий ответ дяди. Затем входная дверь захлопнулась, и из прихожей донёлся звук разрываемой бумаги.

Тётя Петунья поставила чайник на стол и с любопытством обернулась. Ей не пришлось долго ждать, чтобы узнать, чем это занят её муж; не прошло и минуты, как он вернулся. Вид у него был разъярённый.

- Ты, - рявкнул он Гарри. - В гостиную. Быстро!

Изумлённый, гадая, в чём же таком его собираются обвинить на этот раз, Гарри встал и проследовал за дядей из кухни в соседнюю комнату. Когда они оба оказались в гостиной, дядя Вернон с грохотом захлопнул дверь.

- Ну, - он протопал к камину и повернулся лицом к Гарри, словно собираясь объявить, что тот арестован. - Ну.

Гарри ужасно хотелось ответить: "Баранки гну", но... вряд ли стоило подвергать терпение дяди столь суровому испытанию столь рано утром, тем более, что он и так уже находился в стрессовом состоянии из-за отсутствия пищи. Поэтому Гарри лишь придал своему лицу невинно-удивлённое выражение.

- Вот что сейчас принесли, - дядя Вернон помахал листком пурпурной почтовой бумаги. - Письмо. Про тебя.

Недоумение Гарри усилилось. Кто бы это стал писать про него дяде Вернону? Кто из его знакомых стал бы посылать письма по почте?

Дядя Вернон некоторое время прожигал Гарри глазами, а затем перевёл их вниз и начал читать вслух:

Уважаемые мистер и миссис Дурслей!

Мы с вами не представлены друг другу, но я не сомневаюсь, что вы много слышали от Гарри о моём сыне Роне.

Возможно, Гарри говорил вам, что в следующий понедельник вечером состоится финальная игра чемпионата мира по квиддичу. Моему мужу, Артуру, благодаря связям в департаменте по колдовским играм и спорту, удалось достать билеты на лучшие места.

Я очень надеюсь, что вы позволите нам взять с собой Гарри на этот матч, поскольку такая возможность предоставляется буквально один раз в жизни; игры на кубок не проводились в Англии вот уже тридцать лет, и достать билеты было практически невозможно. Мы, разумеется, будем счастливы принять у себя Гарри на весь остаток каникул и проводить его на поезд в школу.

Будем признательны, если Гарри пришлёт ответ как можно скорее нормальным способом, мы не получаем магловой почты, и я не уверена, что почтальон вообще знает, как нас найти.

Надеюсь вскоре увидеть Гарри.

Искренне Ваша,

Молли Уизли

P.S. Надеюсь также, что я наклеила достаточное количество марок.

Дядя Вернон закончил читать, сунул руку в нагрудный карман и вытащил оттуда кое-что ещё.

- Взгляни на это, - прорычал он.

Он протянул конверт, в котором прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри с трудом удержался от хохота. Конверт был усеян марками сплошь, за исключением одного квадратного дюйма на лицевой стороне, куда миссис

Уизли микроскопическим почерком вписала дурслеевский адрес.

- Значит, она-таки наклеила достаточное количество марок, - Гарри постарался придать голосу выражение, подразумевавшее, что подобную ошибку мог совершить всякий. Дядя сверкнул глазами.

- Почтальон обратил внимание, - процедил он сквозь зубы. - И очень интересовался, откуда могло прийти такое послание. Поэтому он и позвонил в дверь. Он, видите ли, подумал, что это забавно.

Гарри промолчал. Кому-то другому, возможно, показалось бы странным, что дядя Вернон поднимает такой шум из-за слишком большого количества марок, но Гарри жил с Дурслеями достаточно давно, чтобы знать - их ужасает всё, хоть на йоту выходящее за рамки обыкновенного. А больше всего на свете они боялись, как бы кто не прознал, что они имеют отношение (насколько бы отдалённым оно ни было) к людям вроде миссис Уизли.

Дядя Вернон продолжал сверлить племянника глазами, а Гарри старался сохранять нейтральное выражение. Если сейчас повести себя правильно и не сглупить, то его ждёт настоящий подарок, мечта всей жизни! Он подождал, вдруг дядя Вернон что-нибудь скажет, но тот только стоял и таращился. Гарри решился нарушить молчание.

- Так значит... мне можно поехать? - спросил он.

Еле заметный спазм исказил большое, багровое лицо. Усы ошетились. Гарри в точности знал, что сейчас происходит за этими усами: отчаянное сражение, конфликт между двумя главными инстинктами дяди Вернона. Разрешить поехать - значит, доставить Гарри удовольствие, а уж против этого дядя боролся в течение целых тринадцати лет. С другой стороны, разрешить уехать к Уизли на весь остаток каникул - значит, избавиться от Гарри на две недели раньше, чем они рассчитывали, а ведь дядя ненавидел, когда Гарри дома. Он снова посмотрел на письмо миссис Уизли, видимо, затем, чтобы дать себе время подумать.

- Кто она? - спросил он, с отвращением взирая на подпись.

- Вы её видели, - объяснил Гарри. - Она - мама Рона, моего друга, она встречала его с "Хог..."... с поезда из школы.

Он чуть не сказал "Хогвартс Экспресс", а это был верный способ разозлить дядю. Под крышей дурслеевского дома запрещалось упоминать название школы, где учится Гарри.

Дядя Вернон сморщился, как будто вспомнил нечто ужасно противное.

- Такая толстуха? - выдавил он после долгого раздумия. - С кучей рыжих детей?

Гарри намоудился. Он подумал, что со стороны дяди Вернона, пожалуй, немного слишком называть кого-то "толстухой", когда его собственный сын Дадли наконец достиг того, чем грозило всё его развитие с трехлетнего возраста, и таки сделался поперёк себя шире.

Дядя Вернон продолжал изучать письмо.

- Квиддич, - пробормотал он себе под нос. - Квиддич... что ещё за ерунда?

Гарри ощутил второй укол раздражения.

- Это спортивная игра, - коротко ответил он. - В неё играют на мёт...

- Тихо, тихо! - замахал руками дядя Вернон. Гарри с известным удовлетворением отметил, что дядя запаниковал. Судя по всему, его нервы не выдерживали упоминания о мётлах в его собственной гостиной. Он попытался уйти от реальности, вновь погрузившись в тщательное изучение письма. Гарри смотрел, как его губы беззвучно произносят слова: "пришлёт ответ как можно скорее нормальным способом". Дядя скривился.

- Что она хочет сказать, "нормальным способом"? - выплюнул он.

- Нормальным для нас, - сказал Гарри и, раньше чем дядя успел остановить его, добавил: - ну, знаете, совиной почтой. Это нормально для колдунов.

Дядя Вернон вознегодовал так, словно Гарри произнёс самое грязное на свете ругательство. Содрогаясь от гнева, он нервно стрельнул глазами в сторону окна, надеясь увидеть прижатые к стеклу уши соседей.

- Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не упоминал о своей ненормальности в моём доме? - зашипел он. Его лицо приобрело оттенок

спелой сливы. - Стоишь передо мной в одежде, которую мы с Петунией тебе дали...

- После того, как Дадли доносил её до дыр, - холодно бросил Гарри. И в самом деле, на нём был свитер настолько большой, что рукава пришлось закатывать пять раз, прежде чем стало возможно что-то делать руками, и свисавший до колен невероятно мешковатых джинсов.

- Я не позволяю тебе разговаривать со мной таким тоном! - заявил дядя Вернон, дрожа от ярости.

Но Гарри не собирался всё это безропотно сносить. Прошли те времена, когда ему приходилось подчиняться идиотским правилам Дурслеев. Как он не сидит с Дадли на его диете, так и не позволит лишить себя удовольствия побывать на финале кубка. По крайней мере, сделает всё, что в его силах.

Чтобы успокоиться, Гарри глубоко вдохнул, а затем сказал:

- Значит, мне нельзя поехать на чемпионат? Ладно. Можно тогда я пойду? Мне нужно закончить письмо Сириусу. Ну, знаете - моему крёстному.

В точку! Ему удалось произнести волшебное слово. Багрянец стал пятнами сходить с лица дяди, и оно сделалось похоже на плохо перемешанное черносмородиновое мороженое.

- А ты... переписываешься с ним? - псевдо-спокойным тоном спросил дядя Вернон. Но Гарри видел, как зрачки маленьких глазок сократились от страха.

- А?... Ага, - небрежно обронил Гарри. - Он уже некоторое время обо мне ничего не слышал и, если я не напишу, может подумать, что что-нибудь случилось.

И умолк, наслаждаясь произведённым эффектом. Он почти что видел, как под густыми, тёмными, расчёсанными на ровный пробор волосами дяди заворочались шестерёнки. Если запретить Гарри писать Сириусу, тот может подумать, что с крестником плохо обращаются. Если запретить Гарри поехать на матч, то он напишет об этом Сириусу, и тогда тот точно будет знать, что с крестником плохо обращаются. В результате оставалось только одно. Гарри наблюдал процесс формирования решения в голове дяди, точно

большое усатое лицо было прозрачным. Гарри старался не улыбаться, сохранять на лице абсолютно пустое выражение. Наконец...

- Ладно. Можешь ехать на этот свой идиотский... этот дурацкий кубок. Только напиши своим этим... как их... Уизли, чтобы они сами тебя забирали. У меня нет времени развозить тебя по всей стране. И можешь остаться у них до конца лета. Да, и напиши своему... крёстному, скажи... скажи, что ты едешь на матч.

- Хорошо, - радостно ответил Гарри.

Он развернулся и направился к двери, еле удерживаясь от желания подпрыгнуть и заорать от восторга. Он едет!... Едет к Уизли и увидит финал!

Выйдя в холл, он чуть не столкнулся с Дадли, который ошивался под дверью в надежде подслушать, как ругают Гарри. Он был явно потрясён, увидев на лице у Гарри довольную улыбку.

- Завтрак был замечательный, правда? - невинно сказал Гарри. - Я прямо объелся, а ты?

Дадли оторопел. Гарри расхохотался и, прыгая через три ступеньки, взлетел наверх и скрылся в своей комнате.

Первым делом он увидел, что Хедвига вернулась. Она сидела в клетке, смотрела на Гарри огромными янтарными глазами и щёлкала клювом тем особым способом, который всегда выражал у неё раздражение. Источник раздражения выявился почти мгновенно.

- ОЙ! - вскрикнул Гарри.

Ему в висок врезался... маленький, серый, покрытый пёрышками теннисный мячик. Гарри возмущённо потёр голову, поднял глаза, чтобы выяснить, что его ударило, и увидел крошечного совёнка, такого маленького, что он свободно мог поместиться на ладони. Совёнок как запущенная петарда с жужжанием носился по комнате. Тут Гарри осознал, что совёнок бросил к его ногам письмо. Он наклонился, узнал почерк Рона и вскрыл конверт. Внутри лежала наспех нацарапанная записка.

Гарри! ПАПА ДОСТАЛ БИЛЕТЫ!!! Матч Ирландия - Болгария, в понедельник вечером. Мама написала маглам, чтобы они разрешили тебе приехать к нам. Может, они уже получили письмо, не знаю, сколько идёт магловая почта. На всякий случай решил послать тебе со Свином записку.

На слове "Свин" Гарри вытаращил глаза, а потом посмотрел на крошечную птичку, сосредоточенно наворачивавшую круги вокруг люстры. Никогда он не видел ничего менее похожего на свинью. Может, он не разобрал почерк? Он продолжил чтение:

Мы приедем за тобой в любом случае, нравится это маглам или нет, ты не должен пропустить кубок, только мама с папой сказали, что будет приличнее, если мы сначала спросим разрешения. Если они скажут да, срочно посылай Свина обратно с ответом, и мы приедем и заберём тебя в пять часов в воскресенье. Если они скажут нет, срочно посылай Свина с ответом, и мы всё равно приедем и заберём тебя в пять часов в воскресенье.

Гермиона приезжает сегодня во второй половине дня. Перси пошёл работать - в департамент международного магического сотрудничества. Пока будешь у нас, не говори ничего про границу, а то у тебя штаны от скуки сползут.

Увидимся!

Рон

- Да угомонись ты! - прикрикнул Гарри. Совёнок трепыхал крылышками прямо у него над головой и отчаянно клекотал от (только и мог предположить Гарри) гордости по поводу того, что он сумел не просто доставить письмо, но доставить его по назначению. - Иди сюда, понесёшь обратно ответ!

Совёнок плюхнулся на клетку Хедвиги. Та смерила его ледяным взглядом, как будто говоря, только посмей подойти ближе.

Гарри схватил орлиное перо, чистый лист пергамента и написал:

Рон, всё в порядке, маглы разрешили мне поехать. Увидимся завтра в пять. Я не доживу!

Гарри

Он скатал записку в маленький комочек и привязал его к крошечной лапке, с огромными сложностями, потому что совёнок подпрыгивал на месте от нетерпения. Как только записка была приложена, совёнок взмыл в воздух. С бешеной скоростью он вылетел в окно и был таков.

Гарри повернулся к Хедвиге.

- Как насчёт долгого путешествия? - спросил он.

Хедвига ухнула с выражением гордого достоинства.

- Отнесёшь это Сириусу? - попросил Гарри, касаясь письма. - Подожди... я только закончу.

Он развернул пергамент и торопливо добавил постскрипtum.

P.S. Если захочешь связаться со мной, я буду у Рона Уизли до конца лета. Его папа достал билеты на финал квиддичного кубка!

Закончив письмо, он привязал его к лапке Хедвиги; та держалась на удивление спокойно, будто задавшись целью показать, как должна себя вести настоящая почтовая сова.

- Возвращайся к Рону, я буду у него. Хорошо? - объяснил ей Гарри.

Она любовно ущипнула его за палец, а затем с мягким шелестом расправила огромные крылья и бесшумно вылетела в окно.

Гарри проводил её взглядом, а потом заполз под кровать, отодвинул неприбитую половицу и достал большой кусок именинного пирога. Он ел, сидя на полу, и его переполняло ощущение небывалого счастья. Он ест пирог, а Дурсли - только грейпфрут; сегодня солнечный летний день, завтра он уедет с Бирючной аллеи, шрам больше не болит, и он увидит финал. Сейчас было почти невозможно испытывать беспокойство - даже по поводу Лорда Вольдеморта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НОРУ

К двенадцати часам следующего дня Гарри сложил в сундук школьные принадлежности, а также самые главные свои сокровища - унаследованный от отца плащ-невидимку, подаренную Сириусом метлу и волшебную карту "Хогвартса", полученную в прошлом году от Фреда с Джорджем. Он очистил тайное хранилище под доской от всякой еды, дважды перепроверил все закутки комнаты на предмет забытых учебников и перьев, а затем снял со стены самодельный календарик, на котором вычеркивал дни, оставшиеся до первого сентября.

При этом, атмосфера в доме №4 по Бирючной аллее была накалена до предела. Неизбежность появления в доме колдовской делегации пугала и раздражала Дурслеев. Когда Гарри известил дядю Вернона, что Уизли придут за ним уже завтра в пять часов вечера, тот встревожился до крайности.

- Надеюсь, ты сказал им, чтобы они оделись нормально, эти люди, - сразу же зарычал он. - Я-то знаю, что вы на себя напяливаете. Может, у них хватит совести надеть нормальную одежду - им же лучше будет. Вот так.

Гарри охватило нехорошее предчувствие. Ему не доводилось видеть родителей Рона в чём-нибудь таком, что для Дурслей было "нормальным". Дети их, может, во время каникул и облачались в магловую одежду, но мистер и миссис Уизли обычно носили длинные колдовские робы - различной степени потрёпанности. Гарри мало беспокоило, что скажут соседи, но он опасался, что его родственники могут повести себя по отношению к Уизли грубо, если те вздумают явиться к ним в дом таким воплощением самых худших представлений о колдунах.

Сам дядя Вернон надел лучший костюм. Кто-то мог бы принять это за желание проявить гостеприимство, но Гарри точно знал, что дядя хочет

выглядеть грозно и внушительно. Дадли, наоборот, как-то съёжился. Не потому, что диета наконец-то подействовала, а от страха. Первое же столкновение со взрослым колдуном закончилось для Дадли плачевно: высовывавшимся из прорехи в штанах поросычьим хвостиком, за удаление которого частной лондонской клинике были заплачены немалые деньги. Вовсе неудивительно, поэтому, что Дадли то и дело нервно проводил рукой сзади по брюкам и передвигался из комнаты в комнату бочком, так, чтобы ненароком не подставить неприятелю ту же самую цель.

За обедом все молчали. Дадли даже не возмущался по поводу еды (творога с сельдереем). Тётя Петунья вообще ничего не ела. Она сидела, обхватив себя руками и поджав губы, и, кажется, кусала себя за язык, сдерживая обвинения, которые ей так хотелось бросить Гарри в лицо.

- Они, конечно же, приедут на машине? - гавкнул дядя Вернон с другого конца стола.

- М-м-м, - неопределённо замычал Гарри.

Об этом он как-то не думал. Действительно, каким образом Уизли собираются забирать его? Машины у них больше нет; старенький "Форд Англия" давно одичал и бегаёт теперь где-то в Запретном лесу, окружающем "Хогвартс". Правда, в прошлом году мистер Уизли одолжил машину в министерстве; может быть, и в этом году он сделал то же самое?

- Наверно, - решил Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. В обычных условиях он непременно спросил бы, какая у мистера Уизли машина; он имел тенденцию судить о людях по размерам и стоимости их автомобилей. Хотя сомнительно, чтобы он проникся уважением к мистеру Уизли даже и в том случае, если бы тот приехал на "Феррари".

Всю вторую половину дня Гарри провёл у себя в комнате; он не мог больше смотреть на тётю Петунью, каждые пять секунд тревожно поглядывавшую в окно сквозь тюлевую занавеску - как будто по радио передали сообщение о сбежавшем носороге. Без четверти пять Гарри не выдержал и спустился в гостиную.

Тётя Петунья конвульсивно расправляла диванные подушки. Дядя Вернон

изображал, что читает газету, но его крохотные глазки не двигались. Гарри готов был поклясться, что дядя изо всех сил прислушивается, не едет ли машина. Дадли забился в кресло, запихнул под себя мясистые руки и крепко обхватил объект предполагаемого нападения. Напряжение стало невыносимо; Гарри вышел из комнаты и уселся на лестнице в холле, уставившись на часы. Сердце бешено билось у него в груди.

Но... Стрелка подошла к пяти часам и двинулась дальше. Дядя Вернон, потев в костюме, отворил входную дверь, высунулся и воровато оглядел улицу, после чего поспешно втянул голову обратно.

- Они опаздывают! - обвиняюще бросил он Гарри.

- Я знаю, - ответил Гарри. - Может быть... э-э-э... пробки... или что-нибудь подобное.

Десять минут шестого... четверть шестого... Гарри и сам уже забеспокоился. В половине шестого он услышал из гостиной приглушённое нервическое бормотание:

- Никакого такта.

- А вдруг у нас назначена встреча!

- Может, они рассчитывают, что мы пригласим их к ужину, если они приедут попозже?

- Ну, вот это уж дудки, - заявил дядя Вернон. Гарри услышал, как он встал и начал мерять шагами комнату. - Они собирались взять мальчишку и убраться, так и нечего им тут ошиваться. Если, конечно, они вообще приедут. Может, день перепутали? Я так скажу, эти граждане не много придают значения пунктуальности. Либо они ездят на какой-нибудь консервной банке, которая, конечно же, сломалась по доро...
AAAAAAAAAAAA!

Гарри вскочил. Из гостиной неслись звуки, свидетельствовавшие о том, что все трое Дурслей в панике бегают по комнате. В следующее мгновение оттуда в совершеннейшем ужасе вылетел Дадли.

- В чём дело? - спросил Гарри. - Что случилось?

Но Дадли был не в состоянии говорить. Не отрывая ладоней от ягодиц, он насколько мог быстро укатился в кухню. Гарри поспешил в гостиную.

Из-за стены, представлявшей собой заложенный кирпичами настоящий камин, возле которого стоял включенный в розетку камин электрический, раздавались громкие стуки и царапание.

- Что это? - хрипло выдохнула тётя Петунья. Она прижалась спиной к противоположной стене и как безумная смотрела на камин. - Что это такое, Вернон?

Она оставалась в неведении совсем недолго. Из-за стены слышались голоса.

- Ой! Фред, нет... назад, назад, тут какая-то ошибка... скажи Джорджу, чтобы он не... Ой!... Джордж, нет, здесь нет места, быстро назад, скажи Рону...

- Пап, может, Гарри нас услышит... Может, он нас выпустит?...

По стене за камином забарабанили кулаки.

- Гарри! Гарри, ты нас слышишь?

Дурсли повернулись к Гарри как две разъярённые росوماхи.

- Что это такое? - прорычал дядя Вернон. - Что там происходит?

- Они... они хотели проникнуть сюда с помощью кружаной муки, - Гарри невероятным усилием сдерживал истерический хохот. - Они могут путешествовать в огне - только у вас камин заложен - подождите...

Он подошёл к камину и закричал в стену:

- Мистер Уизли! Вы меня слышите?

За стеной прекратили барабанить, и кто-то произнёс: "Ш-ш-ш!"

- Мистер Уизли, это я, Гарри... Здесь камин заложен кирпичами. Вы не сможете сюда попасть.

- Проклятье! - сказал голос мистера Уизли. - Какого дьявола им понадобилось перекрывать камин?

- У них электрический, - объяснил Гарри.

- Правда? - восхитился голос мистера Уизли. - Эклектический? Со штепселем? Святое небо, я должен это увидеть... дайте-ка подумать... Ой! Рон!

Голос Рона присоединился к остальным:

- Что это вы тут делаете? Что-нибудь не так?

- Да что ты, Рон! - раздался голос Фреда, очень саркастичный. - Всё так, именно об этом мы всю жизнь мечтали.

- Ага, мы тут кайф ловим, - поддержал Джордж, судя по сдавленному голосу, припечатанный к стене.

- Мальчики, мальчики... - рассеянно укорил мистер Уизли. - Я пытаюсь решить, что нам... да... больше ничего не остаётся... Гарри, отойди в сторонку.

Гарри отошёл к дивану. Дядя Вернон, наоборот, приблизился к стене.

- Постойте! - закричал он в камин. - Что это вы собираетесь де?...

БАМ!

Электрический камин полетел через всю комнату - стена за ним развалилась, выпустив облака пыли и щебёнки вместе с мистером Уизли, Фредом, Джорджем и Роном. Тётя Петунья завизжала, попятилась, споткнулась о кофейный столик и стала валиться навзничь; дядя Вернон едва успел поймать её до того, как она ударится об пол, и, разинув рот, безмолвно уставился на Уизли. Те, все до единого, были рыжие, включая Фреда с Джорджем, вообще идентичных до последней веснушки.

- Так-то лучше, - тяжело выдохнул мистер Уизли, отряхивая от пыли длинную зелёную робу и поправляя очки. - Ах! Вы, должно быть, Гаррины дядя и тётя?

Высокий, худой, лысеющий, он двинулся к дяде Вернону, протягивая руку, но дядя Вернон отступил на несколько шагов назад, волоча и тётю Петунию. Дядя Вернон попросту лишился дара речи. Извёстка запорошила его лучший костюм, усы и волосы, и он словно постарел на тридцать лет.

- Э-э-э... м-да.... Извините меня за это, - мистер Уизли опустил руку и через плечо оглянулся на взорванную стену. - Это я виноват, мне просто не пришло в голову, что мы не сможем здесь выйти. Видите ли, я подсоединил ваш камин к кружаной сети - только на сегодня, понимаете, чтобы можно было забрать Гарри. Строго говоря, магловые каминные подсоединять запрещено - но у меня есть один весьма нужный человечек в кружаной диспетчерской, так он по моей просьбе всё и устроил. Вы не волнуйтесь, я моментально всё исправлю. Я только зажгу огонь, чтобы отправить мальчиков, потом почию ваш камин, а уж после дезаппарирую.

Гарри готов был поставить любую сумму на то, что Дурсли не поняли ни слова из этой речи. Будто громом поражённые, они продолжали тупо пялиться на мистера Уизли. Пошатываясь, тётя Петунья поднялась на ноги и спряталась за дядю Вернона.

- Привет, Гарри! - радостно поздоровался мистер Уизли. - Сундук собрал?

- Он наверху, - улыбнулся в ответ Гарри.

- Мы притащим, - тут же заявил Фред. Подмигнув Гарри, они с Джорджем выбежали из комнаты. Они уже знали, где находится его комната, потому что однажды спасали его оттуда во мраке ночи. Гарри подозревал, что близнецы рассчитывают хоть одним глазком взглянуть на Дадли; они много о нём слышали.

- Что же, - мистер Уизли слегка развёл руками, подыскивая слова, чтобы прервать очень неприятное молчание. - У вас тут очень... э-э-э... уютно...

Поскольку в настоящий момент обычно безупречная комната была покрыта пылью и усеяна обломками кирпичей, его замечание не нашло у Дурслей тёплого отклика. Лицо дяди Вернона побагровело, а тётя Петунья снова прикусила язык. Они были слишком напуганы и не посмели заговорить.

Мистер Уизли смотрел по сторонам. Он обожал всё, что имело отношение к магам. Видно было, что у него руки чешутся исследовать телевизор и

видеомагнитофон.

- Работают на электричестве? - сказал он со знанием дела. - Да-да, вот штепсели. Знаете, я собираю штепсели, - добавил он, обращаясь к дяде Вернону. - И батарейки. У меня очень большая коллекция батареек. Жена считает меня сумасшедшим, ну, сами понимаете.

Совершенно очевидно, что дядя Вернон тоже считал его сумасшедшим. Он незаметно подвинулся вправо и загородил тётю Петунию, видимо, опасаясь, что мистер Уизли может в любую минуту наброситься.

В комнате вдруг снова появился Дадли. Гарри услышал громохание своего сундука по лестнице и понял, что эти страшные звуки выгнали двоюродного брата из кухни. Не сводя перепуганных глаз с мистера Уизли, Дадли по стеночке пробрался к родителям и попытался спрятаться у них за спинами. К несчастью для Дадли, мощного тела дяди Вернона, легко прикрывавшего тётю Петунию, не хватало на то, чтобы спрятать сына.

- А-а, это твой кузен, верно, Гарри? - заговорил мистер Уизли, храбро предпринимая очередную попытку завязать вежливую беседу.

- Угу, - кивнул Гарри, - это Дадли.

Они с Роном посмотрели друг на друга, но срочно отвели глаза в сторону; смех так и разбирал их. Дадли по-прежнему держался за задницу, будто боялся, что она вот-вот отвалится. Мистера Уизли всерьёз беспокоило такое странное поведение. Действительно, когда он снова заговорил, по его тону стало понятно, что он считает Дадли таким же ненормальным, каким Дурсли считают его самого, только мистер Уизли испытывал скорее жалость, нежели страх.

- Хорошо проводишь каникулы, Дадли? - спросил он ласково.

Дадли взвизгнул. Гарри увидел, как его пальцы ещё сильнее впились в массивные ягодицы.

Вернулись близнецы с сундуком. Войдя, они осмотрелись по сторонам. При виде Дадли их лица озарились одинаковыми, не предвещающими ничего хорошего улыбками.

- А-а, отлично, - сказал мистер Уизли. - Что ж, пожалуй, пора.

Он засучил рукава робы и вытащил волшебную палочку. Дурсли как один вжались в стену.

- Инсендио! - произнёс мистер Уизли, направив палочку на пролом в стене.

В камине мгновенно вспыхнуло яркое пламя, бодро потрескивая, словно оно горело уже много часов. Мистер Уизли достал из кармана маленький мешочек на завязках, развязал его, достал щепотку муки и бросил её в огонь. Пламя сделалось изумрудно-зелёным и высоко взметнулось.

- Отправляйся, Фред, - велел мистер Уизли.

- Иду, - отозвался Фред. - Ой, нет... подожди...

У Фреда из кармана выпал пакет со сладостями. Содержимое раскатилось во всех направлениях - большие толстые конфеты в ярко раскрашенных фантиках.

Фред принялся собирать их, шаря по полу и рассовывая по карманам, потом весело помахал Дадли и шагнул в огонь с криком: "Пристанище!" Тётя Петунья тихонько охнула и содрогнулась. Раздался шелестящий свист, и Фред исчез.

- Теперь ты, Джордж, - распорядился мистер Уизли, - с сундуком.

Гарри помог Джорджу донести сундук до камина и перевернуть на попа, чтобы его было удобнее держать. Снова крик: "Пристанище!", снова шелестящий свист, и Джордж тоже улетучился.

- Рон, ты следующий, - сказал мистер Уизли.

- До свидания, - с воодушевлением попрощался Рон с Дурслеями. Он широко улыбнулся Гарри, вошёл в огонь и, с криком: "Пристанище!", исчез.

Остались только Гарри и мистер Уизли.

- Что же... тогда до свидания, - обратился к Дурслеям Гарри.

Они не ответили. Гарри направился к огню, но, как раз когда он ступил на край камина, мистер Уизли протянул руку и задержал его. Он смотрел на Дурслей с нескрываемым изумлением.

- Гарри с вами попрощался, - укоризненно произнёс он. - Разве вы не слышали?

- Это неважно, - пробормотал Гарри мистеру Уизли, - мне всё равно.

Но мистер Уизли не убрал руку с его плеча.

- Вы ведь не увидите своего племянника до следующего лета, - с негодованием повернулся он к дяде Вернону. - Должны же вы попрощаться?

Лицо дяди Вернона мучительно исказилось. Как можно, чтобы негодяй, только что разрушивший стену у него в доме, учил его хорошим манерам!

Но палочка по-прежнему находилась в руке у мистера Уизли, и дядя Вернон бросил на неё осторожный взгляд, прежде чем выдавить, крайне неохотно:

- До свидания.

- До встречи! - Гарри занёс ногу над зелёным пламенем, и его обдало приятным теплом. Тут позади раздался ужасающий сдавленный звук. Тётя Петунья начала кричать.

Гарри резко обернулся. Дадли уже не стоял за спиной у родителей. Он упал на колени у кофейного столика. Он чем-то давился и пытался выплюнуть какую-то странную, багровую, скользкую штуку в добрый фут длиной. Проведя секунду в полнейшем недоумении, Гарри осознал, что эта штука - не что иное, как язык Дадли, и что возле него на полу валяется яркая обёртка.

Тётя Петунья бросилась на колени рядом с сыном, схватила распухший язык и предприняла героическую попытку выдернуть его изо рта; неудивительно, что Дадли завопил и начал давиться ещё сильнее, одновременно стараясь освободиться от матери. Дядя Вернон громко завывал и размахивал руками, а мистер Уизли пробовал перекричать весь

ЭТОТ ГВАЛТ.

- Успокойтесь, я всё исправлю! - орал он, в то же время приближаясь к Дадли с вытянутой палочкой. Тётя Петунья заверещала пуще прежнего и закрыла Дадли своим телом.

- Да что вы, в самом деле! - отчаянно воскликнул мистер Уизли. - Это же очень просто - это из-за конфеты - это мой сын Фред - обожает всякие шутки, знаете ли - но это всего лишь Дутое Заклятие - по крайней мере, я так думаю - пожалуйста, успокойтесь, я всё исправлю...

Это отнюдь не успокоило Дурслеев, наоборот, вид у них стал совсем уже несчастный; тётя Петунья захлёбывалась рыданиями и тянула Дадли за язык, очевидно, задавшись целью непременно оторвать его; Дадли изнемогал под двойной тяжестью языка и матери, а дядя Вернон, абсолютно потеряв контроль над собой, схватил с буфета фарфоровую статуэтку и швырнул её в мистера Уизли. Тот пригнулся, и фигурка разбилась во взломанном камине.

- Да что же это такое! - сердито вскричал мистер Уизли, потрясая палочкой.
- Я же хочу помочь!

С воем раненного гиппопотама дядя Вернон схватил другую фигурку.

- Гарри, уходи! Уходи! - прокричал мистер Уизли, направив палочку на дядю Вернона. - Я сам справлюсь!

Гарри ни за что не пропустил бы такую потеху, но новая фигурка чуть не вмазалась ему в левое ухо, и он решил, что будет лучше предоставить дело мистеру Уизли. Он шагнул в огонь и, глядя назад через плечо, произнёс: "Пристанище!". Последним, что он увидел в гостинной, были мистер Уизли, с помощью палочки удаливший из рук дяди Вернона третью статуэтку, тётя Петунья, лежащая поверх Дадли, и язык Дадли, мотающийся по полу как громадный скользкий питон. Но в следующую секунду Гарри начал со страшной скоростью вращаться, и гостиная Дурслей исчезла из виду в ревущем изумрудно-зелёном пламени.

ГЛАВА ПЯТАЯ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ УЛЬТРАФОКУСЫ УИЗЛИ

Прижав локти к бокам, Гарри вращался всё быстрее и быстрее. Мимо с огромной скоростью вереницей проносились смазанные пятна очагов. В конце концов, Гарри затошнило, и он закрыл глаза. Затем, почувствовав, что скорость начала снижаться, он резко затормозил, выбросив вперёд руки. И вовремя, а то бы впечатался носом в пол на кухне в доме Уизли.

- Он съел? - нетерпеливо спросил Фред, помогая Гарри подняться на ноги.

- Угу, - кивнул Гарри. - А что это было?

- Помадка Пуд-язык, - радостно сообщил Фред. - Мы с Джорджем их сами изобрели, всё лето искали, на ком бы испытать...

Крохотная кухонька взорвалась от смеха. Гарри посмотрел по сторонам и увидел за выскобленным деревянным столом Рона, Джорджа и двух других незнакомых рыжих молодых людей. Гарри сразу догадался, кто это такие: Билл и Чарли, самые старшие братья Рона.

- Привет, Гарри, - сказал тот, который сидел ближе. Он улыбнулся и протянул для рукопожатия большую ладонь. Гарри почувствовал под пальцами многочисленные мозоли. Судя по всему, это Чарли, тот, что работает с драконами в Румынии. По своему сложению он напоминал близнецов и был ниже и плотнее Перси с Роном - те оба отличались высоким ростом и худощавостью. У Чарли было широкое, добродушное лицо человека, проводящего много времени на открытом воздухе, такое веснушчатое, что оно казалось загорелым; и очень мускулистые руки - на одной из них красовался огромный яркий ожог.

Билл тоже поднялся из-за стола, улыбаясь, и тоже пожал Гарри руку. Надо сказать, что внешность Билла явилась для Гарри настоящим сюрпризом. Гарри знал, что Билл работает в колдовском банке "Гринготтс" и что в школе он был лучшим учеником, поэтому всегда представлял себе Билла как более взрослый вариант Перси: этаким правильным занудой и любителем поучить окружающих жизни. А на самом деле Билл был - никак иначе не назовёшь - клёвый. Высокий, с завязанными в конский хвост длинными волосами. В ухе - серьга с чем-то вроде звериного клыка. Одежда была бы вполне уместна на рок-концерте, а ботинки, как заметил Гарри, не из кожи, а из панциря дракона.

Прежде чем они успели заговорить, раздался лёгчайший хлопок, и за плечом у Джорджа появился мистер Уизли. Гарри ещё никогда не видел его таким рассерженным.

- Это не смешно, Фред! - закричал он. - Что за дрянь ты подсунул бедному мальчику-маглу?

- Ничего я ему не подсовывал, - заявил Фред со зловредной ухмылкой. - Я просто уронил... Он сам виноват - кто его просил это есть? Я не просил.

- Ты уронил нарочно! - грозно взревел мистер Уизли. - Ты знал, что он съест, потому что он на диете...

- А какой у него стал язык? - Джордж был не в силах сдержать любопытства.

- Он достиг четырёх футов, пока его родители не позволили мне всё исправить!

Все мальчики Уизли вместе с Гарри заржали как ненормальные.

- Это не смешно! - снова завопил мистер Уизли. - Такое поведение серьёзно подрывает магло-колдовские отношения! Я всю свою жизнь боролся против плохого обращения с маглами, а теперь мои собственные дети...

- Мы же сделали это не потому, что он магл! - возмутился Фред.

- А потому, что он наглый болван, - сказал Джордж. - Правда, Гарри?

- Точно, мистер Уизли, - честно подтвердил Гарри.

- Какая разница! - в гневе перебил мистер Уизли. - Вот погодите, я всё расскажу матери...

- Что ты мне расскажешь? - раздался голос у него за спиной.

Миссис Уизли только что вошла в кухню. Это была невысокая, полная женщина с очень добрым лицом - хотя в настоящий момент глаза её подозрительно сузились.

- О, здравствуй, Гарри, дорогой, - поздоровалась она, заметив Гарри, и улыбнулась. Затем молниеносно перевела взгляд на мужа. - Что ты мне расскажешь, Артур?

Мистер Уизли молчал в нерешительности. Было ясно, что, невзирая на всю свою ярость по поводу содеянного близнецами, он не собирался выдавать их матери. Возникла неловкая пауза, во время которой мистер Уизли испуганно смотрел на свою жену. Затем в дверях за спиной миссис Уизли появились две девочки. Одна из них, с невероятно пышными каштановыми волосами и довольно крупными передними зубами, была лучшей подруга Гарри и Рона, Гермиона Грэйнджер. Вторая, маленькая и рыжеволосая - младшая сестра Рона, Джинни. Они обе улыбнулись Гарри, и он улыбнулся в ответ, отчего Джинни мгновенно зарделась - она была равнодушна к Гарри ещё с того времени, когда он первый раз гостил в Пристанище.

- Что ты мне расскажешь, Артур? - повторила миссис Уизли, голосом, таящим в себе скрытую угрозу.

- Пустяки, Молли, - промямлил мистер Уизли, - просто Фред с Джорджем... но я с ними уже побеседовал...

- Что они ещё натворили? - воскликнула миссис Уизли. - Если это опять какие-нибудь "Удивительные ультрафокусы Уизли"...

- Рон, почему бы тебе не показать Гарри, где он будет спать? - стоя на пороге, предложила Гермиона.

- Он прекрасно знает, где он будет спать, - ответил Рон, - как обычно, в моей...

- Вот давай все вместе и посмотрим, - очень подчёркнуто произнесла Гермиона.

- А, - сказал Рон, - да.

- Ага, и мы тоже вместе посмотрим... - начал Джордж.

- Нет, вы как раз останетесь здесь! - рявкнула миссис Уизли.

Гарри и Рон бочком выбрались из кухни и вместе с Гермионой и Джинни отправились через узкую прихожую к скрипучей лестнице, зигзагами уходящей вверх.

- А что за удивительные ультрафокусы Уизли? - любопытствовал Гарри по дороге.

Рон с Джинни засмеялись, а Гермиона - нет.

- Мама убиралась у них в комнате и нашла целую пачку бланков, - стал рассказывать Рон, - и ещё длиннющие преискуранты на всякие штуки, которые они сами сделали. Ну, всякие приколы, сам знаешь. Фальшивые волшебные палочки, разные сладости с сюрпризами и всё такое. На самом деле, очень здорово, я даже не представлял, что они этим занимаются...

- У них из комнаты давным-давно слышались всякие взрывы, но мы и подумать не могли, что они изготавливают какие-то вещи, - вступила в разговор Джинни, - мы думали, им просто нравится шуметь.

- Только, понимаешь, большая часть этих штучек - в общем-то, все они - довольно опасные, - проговорил Рон, - а Фред с Джорджем, представляешь, думали продавать их в "Хогвартсе" за деньги, и мама их чуть не убила. Запретила им этим заниматься, сожгла бланки... она и без того на них злилась. Они ведь и С.О.В.У. получили меньше, чем она ожидала.

С.О.В.У. - это Совершенно Обычный Волшебный Уровень, оценка за аттестационный экзамен, который сдавали учащиеся "Хогвартса" в возрасте пятнадцати лет.

- А после был жуткий скандал, - продолжила Джинни, - потому что мама хочет, чтобы они пошли работать в министерство, как папа, а они,

оказывается, хотят открыть свой хохмазин.

В это мгновение на площадке второго этажа отворилась дверь, и оттуда высунулась очень раздражённая физиономия в роговых очках.

- Привет, Перси, - сказал Гарри.

- А, Гарри! Здравствуй, - ответил Перси, - я хотел узнать, кто это тут так шумит. Я, знаешь ли, пытаюсь работать - нужно закончить отчёт - и мне довольно трудно сосредоточиться, когда по ступенькам грохочут.

- Мы не грохочем, - раздражился Рон, - а ходим. Извини, если помешали твоей сверх-секретной министерской работе.

- А над чем ты работаешь? - спросил Гарри.

- Над отчётом для департамента международного магического сотрудничества, - с важностью поведал Перси. - Мы должны стандартизировать толщину котлов. А то эти импортные котлы чуточку тонковаты - количество протечек увеличилось за год почти на три процента!...

- Так что, помяните моё слово, этот отчёт изменит мир, - перебил Рон, - представляете, передовица в "Прорицательской": "Котлы текут", ну, и всякое такое.

Перси слегка порозовел.

- Можешь издеваться, Рон, - взвился он, - но, если не принять международного закона, то скоро наш рынок наводнит неудобная, тонкодонная продукция, и это серьёзно увеличит риск...

- Да-да, конечно-конечно, - бормоча это, Рон уже начал подниматься по лестнице. Перси шваркнул дверью. Гарри, Гермиона и Джинни вслед за Роном поднялись ещё на три пролёта, когда с кухни понеслись дикие вопли. Видимо, мистер Уизли раскололся и рассказал миссис Уизли про помадку.

Комнатка под крышей, принадлежавшая Рону, выглядела практически так же, как и в прошлый раз; на стенах и на наклонном потолке висели те же

рекламные плакаты с изображением любимой квиддичной команды Рона, "Пуляющих пушек", все игроки которой крутились в воздухе, приветственно размахивая руками; на подоконнике стоял всё тот же аквариум, в прошлом году с лягушачьей икрой, а в этом - с одной немыслимо жирной лягушкой. Старой крысы Струпики больше не было, её заменил крошечный серый совёнок, тот, что доставил письмо Рона на Бирючиновую аллею. Совёнок без усталости прыгал вверх-вниз в маленькой клетке и безостановочно клёкотал.

- Умолкни, Свин, - бросил Рон, пробираясь между двумя из четырёх кроватей, втиснутых в комнату. - Фред с Джорджем тоже будут здесь спать, потому что у них в комнате будут ночевать Билл и Чарли, - пояснил он для Гарри. - А Перси нужна отдельная комната, потому что он должен работать.

- А... почему ты зовёшь совёнка "Свин"? - спросил Гарри у Рона.

- Потому что Рон глупый, - заявила Джинни, - по-настоящему его зовут Свинринстель.

- Ага, и это очень умное имя, - саркастически отозвался Рон. - Это Джинни его назвала, - объяснил он Гарри, - она утверждает, что это очень мило. Я хотел поменять, но было поздно, ни на что другое он уже не откликнулся. Так что он - Свин. Приходится держать его здесь, наверху, а то он раздражает Эррола с Гермесом. И меня тоже, к слову сказать.

Свинринстель принялся со счастливым видом описывать по клетке круги, пронзительно ухая. Гарри слишком хорошо знал Рона, чтобы принимать его слова всерьёз. Помнится, в своё время он постоянно ворчал по поводу Струпики, но был невероятно огорчён, когда решил, что его съел кот Гермियोны, Живоглот.

- А где Живоглот? - кстати поинтересовался Гарри у Гермियोны.

- В саду, наверно, - ответила она. - Он любит гоняться за гномами, он их раньше никогда не видел.

- Значит, Перси нравится его работа? - продолжал спрашивать Гарри, усаживаясь на кровать и наблюдая, как "Пушки" шныряют туда-сюда, то вылетая за пределы плакатов, то влетая обратно.

- Нравится? - мрачно повторил Рон. - По-моему, он не приходил бы домой, если бы папа его не забирал. Он совсем с ума сошёл. Ты, главное, не заводи с ним разговор о его начальнике... Как говорит мистер Крауч... как я сказал мистеру Краучу... Мистер Крауч считает... Мистер Крауч мне рассказывал... Думаю, они со дня на день объявят о помолвке.

- Как прошло лето, Гарри? - спросила Гермиона. - Ты получил посылки с едой и всё прочее?

- Да, спасибо огромное, - сказал Гарри. - Ваши пироги спасли мне жизнь.

- А ты получал письма от... - начал было Рон, но умолк, заметив выражение лица Гермионы. Гарри понял, что Рон собирался спросить о Сириусе. Рона с Гермионой ничуть не меньше самого Гарри волновало благополучие его крёстного - ведь они столько сделали для организации его побега. Тем не менее, обсуждать эту тему при Джинни не стоило. Никто, кроме Гарри, Рона, Гермионы и профессора Дамблдора, не знал ни о том, как Сириусу удалось бежать, ни о том, что он невиновен.

- Я думаю, они уже перестали ссориться, - произнесла Гермиона, чтобы заполнить неловкую паузу, а то Джинни уже с любопытством смотрела то на Гарри, то на Рона. - Пойдём, поможем вашей маме с ужином.

- Правильно, пойдём, - поддержал Рон. Все вчетвером они вышли из комнаты, спустились вниз и обнаружили на кухне миссис Уизли, одну и в чрезвычайно дурном расположении духа.

- Мы будем есть в саду, - объявила она, увидев вошедших детей. - Здесь для одиннадцати человек просто не хватит места. Девочки, можете отнести тарелки? Билл и Чарли уже устанавливают столы. А вы двое, ножи и вилки, пожалуйста, - велела она Рону и Гарри, ткнув при этом волшебной палочкой в сторону картофельной горки в раковине чуть более энергично, чем собиралась. Картофелины с такой скоростью повыскакивали из шкурки, что начали рикошетить от потолка и стен.

- О, ради всего святого, - рыкнула миссис Уизли, переводя палочку на совок, который спрыгнул со стены и начал разъезжать по полу, собирая картофелины. - Эти двое! - свирепо выдохнула она, вышвыривая из шкафа кастрюли и сковородки, и Гарри догадался, что речь идёт о близнецах. - Не знаю, что с ними дальше будет, просто не знаю. Никакого честолубия,

если, конечно, речь не идёт о том, чтобы совершить рекордное количество безобразий...

Она шваркнула большой медной кастрюлей о кухонный стол и стала яростно махать внутри палочкой. Из кончика палочки заструился кремообразный соус.

- Ладно, были бы какие-нибудь безмозглые, - продолжала она раздражённым тоном, поднося кастрюлю к плите и очередным тычком палочки зажигая под ней огонь, - но только зачем им эти мозги, непонятно, всё равно не пользуются, нет, если они в ближайшем будущем не возьмутся за ум, то попадут в беду. Про них я получила из "Хогвартса" больше сов, чем про всех остальных, вместе взятых. Если они будут продолжать в том же духе, их вызовут в отдел неправомерного использования колдовства!

Миссис Уизли ткнула палочкой в ящик с ножами и вилками, и тот мгновенно выдвинулся. Гарри и Рону пришлось спешно отскочить в сторону, поскольку из ящика вырвалось на свободу несколько ножей. Просвистев через всю кухню, они деловито набросились на картошку, которую совок только что ссыпал обратно в раковину.

- Не знаю, что мы сделали не так, - не унималась миссис Уизли. Он положила палочку и полезла за другими кастрюлями. - И это продолжается всю жизнь, не одно, так другое, и они ничего не слушают... ЧТО?! ОПЯТЬ?!

Когда она взяла палочку со стола, та громко пискнула и превратилась в огромную резиновую мышь.

- Опять фальшивая палочка!!! - вскричала миссис Уизли. - Сколько можно говорить, чтобы они не оставляли их валяться где попало!

Она схватила настоящую палочку, повернулась к плите и обнаружила, что соус дымится.

- Скорей, - спешно сказал Рон Гарри, хватая горсть ножей и вилок из открытого ящика, - пошли поможем Биллу и Чарли.

Мальчики покинули миссис Уизли и через заднюю дверь выбежали во двор.

Они не прошли и нескольких шагов, как из сада им навстречу на гнутых лапах вылетел кот Гермियोны, рыжий Живоглот. Хвост, похожий на ёршик для бутылок, развевался в воздухе. Живоглот гнался за какой-то грязной картошкой на ножках, в которой Гарри сразу узнал гнома. Ростом гном был не более десяти дюймов. Отчаянно топоча ножонками с маленькими шпорами, он со страшной скоростью просвистел по двору и головой вперёд нырнул в резиновый сапог, которыми был усеян двор. Кот стал запускать лапу внутрь, стараясь выудить гнома, и было слышно, как гном заливается истерическим хохотом. В это время с другой стороны дома раздался громкий и сокрушительный треск. Мальчики вошли в сад и сразу обнаружили источник шума - Билл с Чарли, выставив вверх палочки, устроили в воздухе сражение двух старых столов, заставляя их сталкиваться друг с другом с целью свалить противника на землю. Фред с Джорджем отчаянно болели; Джинни хохотала, а Гермiona нервно подпрыгивала у живой изгороди, явно разрываясь между беспокойством и любопытством.

Стол Билла зацепился за стол Чарли и с треском оторвал у него одну ножку. Наверху громынуло. Все задрали головы и увидели Перси, высунувшегося из окна второго этажа.

- Потише нельзя? - проорал он.

- Извини, Персик, - виновато улыбнулся Билл. - Как там доньшки?

- Очень плохо, - сварливо бросил Перси и захлопнул окно. Хихикая, Билл с Чарли благополучно посадили свои боевые машины на траву торцом друг к другу, а затем Билл мановением волшебной палочки починил ножку и соорудил скатерти.

К семи часам столы ломились от бесчисленных великолепных изделий кулинарного искусства миссис Уизли, и все девять членов семейства вместе с Гарри и Гермioniой уселись, чтобы насладиться пиршеством под ясным, глубокого синего цвета, небом. Для человека, всё лето питавшегося черствевшими день ото дня пирогами, это был настоящий рай, и вначале Гарри больше слушал, чем говорил, налегая на пирог с курицей и ветчиной, варёную картошку и салат.

В дальнем конце стола Перси рассказывал отцу о своём отчёте.

- Я обещал мистеру Краучу закончить его ко вторнику, - важно вещал Перси, - конечно, это немножко раньше, чем он ожидал, но я люблю во всём успевать. Думаю, он будет рад, что я всё так быстро сделал. Учитывая, что у нас в отделе сейчас такая запарка со всеми этими приготовлениями к кубку мира. Надо сказать, мы не получаем необходимой поддержки от департамента по колдовским играм и спорту. Этот Людо Бэгмен...

- Мне нравится Людо, - мягко заметил мистер Уизли, - и это он достал нам такие хорошие билеты на игру. В своё время я тоже оказал ему одну услугу: его брат, Отто, попал в неприятную историю - газонокосилка с паранормальными функциями - а мне удалось замять дело.

- Согласен, Бэгмен производит благоприятное впечатление, - отмахнулся Перси, - но как он умудрился стать главой департамента... Никакого сравнения с мистером Краучом! Не представляю, чтобы мистер Крауч, если бы у него в отделе пропал человек, сидел бы спокойно и не пытался выяснить, что с ним случилось. Вы понимаете, что Берта Джоркинс вот уже больше месяца, как пропала? Поехала на каникулы в Албанию и не вернулась!

- Я спрашивал об этом у Людо, - наМоудился мистер Уизли, - он говорит, что Берта пропадала уже столько раз... Впрочем, если бы это был человек из моего отдела, я бы всё равно забеспокоился...

- Да, действительно, Берта безнадёжна, - сказал Перси, - говорят, её постоянно переводят из отдела в отдел, и от неё больше беспокойства, чем пользы... но всё равно, Бэгмен должен был бы попытаться разыскать её. Мистер Крауч, как раз, проявляет большую заинтересованность - она ведь когда-то работала и у нас и, по-моему, мистер Крауч был ею очень доволен - а Бэгмен только смеется. Говорит, что Берта, скорее всего, перепутала карту и вместо Албании очутилась в Австралии. Однако, - Перси издал тяжелейший вздох и отхлебнул бузиновки, - у нас в департаменте международного магического сотрудничества и так забот полон рот, без того, чтобы заниматься розысками пропавших сотрудников других департаментов. Сами понимаете, мы ведь должны организовать ещё одно важное мероприятие сразу после кубка.

Перси со значительным видом прочистил горло и посмотрел на другой конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона: - Ты знаешь, о чём я, папа. -

Он чуточку повысил голос. - Сверхсекретное мероприятие.

Рон закатил глаза и пробормотал тихонько:

- Он пытается заставить нас спросить, что это за мероприятие, с тех самых пор, как пошёл на работу. Может, это выставка толстодонных котлов?

В центре стола миссис Уизли спорила с Биллом о его серьге, которая, видимо, была совсем недавним приобретением.

- ... с таким ужасным зубом! В самом деле, Билл! А что говорят у тебя в банке?

- Мам, никому в банке нет дела до того, как я одеваюсь, лишь бы денежки на счёт капали, - терпеливо ответил Билл.

- И твои волосы... что-то уж чересчур, милый, - продолжала миссис Уизли, любовно водя пальцем по волшебной палочке, - жаль, что ты не позволяешь их немного подровнять...

- А мне нравится, - заявила Джинни, сидевшая рядом с Биллом, - ты такая старомодная, мама. Да и в любом случае, до профессора Дамблдора Биллу ещё далеко...

Рядом с миссис Уизли сидели Фред, Джордж и Чарли. Они горячо обсуждали кубок мира.

- Он достанется Ирландии, - неразборчиво, сквозь картошку, говорил Чарли. - Они же просто размазали Перу в полуфинале.

- Зато у болгаров Виктор Крам, - возразил Фред.

- Крам - это один хороший игрок, а у ирландцев их семеро, - коротко ответил Чарли. - Жалко, что Англия не прошла. Позор, да и только.

- А что случилось? - горячо заинтересовался Гарри, больше чем когда-либо жалея о своей вынужденной изоляции от колдовского мира во время пребывания на Бирючной аллее. Гарри обожал квиддич. Он сам с первого класса был Ищейкой команды "Гриффиндора" и владел "Всполохом", одной из самых лучших гоночных метел в мире.

- Проиграли Трансильвании, триста девяносто:десять, - мрачно объяснил Чарли. - Безобразно играли. И ещё Уэльс проиграл Уганде, а Шотландия - Люксембургу.

В саду стало темнеть. Перед сладким (домашним земляничным мороженым) мистер Уизли сотворил свечи, и к тому времени, как мороженое было съедено, над столом уже всю порхали мотыльки. В тёплом воздухе пахло травами и жимолостью. Гарри очень наелся и был чрезвычайно доволен жизнью. Он наблюдал, как в зарослях шиповника шныряют отчаянно хохочущие гномы, по пятам преследуемые Живоглотом.

Рон осторожно оглядел стол, убедился, что все остальные заняты разговором, и очень тихо спросил Гарри:

- Так, значит - ты получал письма от Сириуса?

Гермиона, внимательно слушая, посмотрела по сторонам.

- Да, - еле слышно ответил Гарри, - два раза. У него всё нормально. Я написал ему позавчера. Может быть, он даже ответит, пока я здесь.

Вдруг он вспомнил о причине, заставившей его написать Сириусу, и на какую-то долю секунды почувствовал настоящее желание рассказать друзьям о том, что у него опять болел шрам и о том, какой страшный сон ему приснился... но, с другой стороны, ему не хотелось беспокоить их сейчас, когда сам он чувствовал себя таким счастливым и спокойным.

- Посмотрите, как поздно, - неожиданно всплеснула руками миссис Уизли, взглянув на наручные часы. - Вам всем надо срочно ложиться! Ведь вам вставать на рассвете, иначе вы не попадёте на кубок. Гарри, если ты мне оставишь список, я тебе всё куплю на Диагон-аллее. Я на всех буду завтра покупать. После кубка может не быть времени, в прошлый раз игра продолжалась пять дней.

- Ух ты! Надеюсь, что и в этот раз тоже! - с энтузиазмом воскликнул Гарри.

- А я не надеюсь, я содрогаюсь при мысли, - Перси набожно закатил глаза, - на что была бы похожа моя папка с входящими документами, если бы меня не было на рабочем месте пять дней.

- Да уж, кто-нибудь опять мог бы подкинуть тебе кусок драконьего навоза, а, Перс? - подначил Фред.

- Это был образец удобрения из Норвегии! - выкрикнул Перси, густо покраснев. - В этом не было ничего личного!

- На самом деле, было, - шепнул Фред Гарри на ухо, когда они вставали из-за стола. - Это мы послали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТЕЛЕПОРТ

Гарри вроде бы только что лёг спать, а его уже тормозила миссис Уизли.

- Пора вставать, Гарри, милый, - прошептала она и прошла к кровати Рона.

Гарри нашарил очки, надел их и сел. За окнами было ещё темно. Рон бормотал что-то невразумительное в ответ на попытки матери разбудить его. У себя в ногах, за матрасом, Гарри увидел два больших, бесформенных силуэта, выпутывающихся из простыней.

- Что, уже пора? - плохо выговаривая слова спросонок, сказал Фред.

Ребята, слишком сонные, чтобы разговаривать, молча оделись и, потягиваясь и зевая, спустились в кухню.

Миссис Уизли стояла у плиты и мешала что-то в большом котле. Мистер Уизли сидел за столом и проверял большие пергаментные билеты, сложенные в толстую пачку. Он поднял глаза на вошедших мальчиков и развёл руки в стороны, демонстрируя свой наряд - джемпер для гольфа и сильно потёртые джинсы. Джинсы были великоваты и держались на толстом кожаном ремне.

- Ну как? - спросил он обеспокоенно. - Мы же едем инкогнито... Я похож на магла, Гарри?

- Да, - улыбнулся Гарри, - очень даже.

- А где Билл, Чарли и Пе-Пе-Перси? - у Джорджа не получилось подавить зевок.

- Они ведь аппаратируют, ты не забыл? - миссис Уизли с трудом переставила

котёл на стол и начала раскладывать по мискам овсяную кашу. - Так что могут ещё поспать.

Гарри было известно, что аппарировать очень трудно; это означало мгновенно исчезать в одном месте и тут же появляться в другом.

- Ах, они ещё спят, - проворчал Фред, подвигая к себе миску. - А нам почему нельзя?

- Потому что вы несовершеннолетние и не сдали экзамен, - сварливо отозвалась миссис Уизли. -Куда подевались эти девчонки?

Она унеслась с кухни, и стали слышны её шаги вверх по лестнице.

- А что, чтобы аппарировать, надо сдавать экзамен? - поинтересовался Гарри.

- Разумеется, - ответил мистер Уизли, аккуратно пряча билеты в задний карман джинсов. - Департамент волшебных путей сообщения на днях даже оштрафовал парочку любителей аппарировать без прав. Аппарировать не так-то просто. Если сделать что-нибудь неправильно, то это может привести к серьёзным осложнениям. Например, эта парочка, о которой я упомянул... они расщепились.

Лица всех сидящих за столом исказились от ужаса, и только Гарри непонимающе переспросил:

- Э-э-э... расщепились?...

- Половина тела осталась на месте, - будничным тоном пояснил мистер Уизли, поливая овсянку толстым слоем патоки. - И, конечно же, они застряли. Ни туда, ни сюда. Пришлось им дожидаться отряда по размагичиванию в чрезвычайных ситуациях. Сами понимаете, сколько было потом всякой бумажной волокиты, только представьте, сколько маглов заметили отдельно висящие в воздухе части тела...

Гарри представил себе две ноги и глазное яблоко, позабытые посреди Бирючной аллеи.

- Но с ними всё обошлось? - спросил он испуганно.

- Да, конечно, - спокойно ответил мистер Уизли. - Но им пришлось заплатить огромный штраф. Не думаю, чтобы они попытались ещё раз повторить свой подвиг. С аппарацией шутки плохи. Многие взрослые колдуны предпочитают не иметь с ней дела. Уж лучше на метле - тише едешь, дальше будешь.

- А что, и Билл, и Чарли, и Перси - они все умеют?

- Чарли сдавал на права два раза, - ухмыльнулся Фред. - Первый раз он провалился, аппарировал на пять миль южнее, чем нужно, прямо на голову одной милой старушке, которая делала покупки, помните?

- Да, но во второй раз он сдал, - заявила миссис Уизли, появившаяся на кухне как раз тогда, когда все дружно фыркнули.

- А Перси сдал всего две недели назад, - сказал Джордж, - и с тех пор каждое утро аппарирует вниз из своей комнаты, просто чтобы доказать, что он это умеет.

В коридоре раздались шаги, и в комнату вошли Гермиона и Джинни, обе бледные и сонные.

- Зачем нам вставать так рано? - отчаянно продирая глаза, Джинни села за стол.

- Нам придётся немного прогуляться, - объяснил мистер Уизли.

- Прогуляться? - удивился Гарри. - Мы что, пойдём на кубок пешком?

- Нет, нет, игра будет проходить далеко отсюда, - улыбнулся мистер Уизли. - Мы пройдемся совсем чуть-чуть. Дело в том, что большому числу колдунов очень трудно собраться в одном месте, не привлекая внимания маглов. Нам и всегда-то приходится путешествовать очень осторожно, а уж в случае такого крупного мероприятия как кубок мира...

- Джордж! - резко окрикнула миссис Уизли, и все вздрогнули от неожиданности.

- Что? - отозвался Джордж невинным голосом, никого, впрочем, не обманувшим.

- Что это у тебя в кармане?

- Ничего!

- Не смей мне врать!

Миссис Уизли указала палочкой на карман Джорджа и произнесла:
"Ассио!"

Из кармана стремительно вылетела стайка маленьких, ярко раскрашенных предметов; Джордж цапнул в воздухе пальцами, пытаясь их остановить, но не вышло, и они на большой скорости влетели прямо в руку миссис Уизли.

- Мы же велели вам уничтожить это! - яростно завопила миссис Уизли, держа на раскрытой ладони не что иное, как Помадки Пуд-язык. - Вам было велено от всего этого избавиться! Выверните карманы, оба, быстро!

Это была малопривлекательная сцена; очевидно, близнецы хотели контрабандой вытащить из дома как можно больше помадок, и лишь с помощью Призывного заклятия миссис Уизли удалось их все обнаружить.

- Ассио! Ассио! Ассио! - выкрикивала она, и конфеты вылетали к ней из самых неожиданных мест, включая подкладку куртки Джорджа и отвороты джинсов Фреда.

- Мы на них полгода ухлопали! - заорал на мать Фред, когда помадки полетели в помойку.

- Замечательный способ убить полгода! - пронзительно завопила в ответ миссис Уизли. - Не удивительно, что вам не удалось нормально сдать на С.О.В.У.

В конечном итоге, при отъезде атмосфера в доме была не из приятных. Когда миссис Уизли целовала на прощание мистера Уизли, у неё всё ещё сохранялось недовольное выражение лица, хотя и гораздо менее недовольное, чем у Фреда с Джорджем. Те молча вскинули рюкзаки на спины и удалились, не сказав матери ни слова.

- Ну, приятно вам провести время, - пожелала миссис Уизли, - и ведите себя как следует, - прокричала она в спины удаляющимся близнецам, но те не

оглянулись и не ответили. - Я отправлю Билла, Чарли и Перси около полудня, - добавила миссис Уизли, обращаясь к мужу, после чего он, Гарри, Рон, Гермиона и Джинни тронулись в путь.

Было холодно, и луна ещё сияла на небе. Лишь полоска скучного, зеленоватого оттенка справа на горизонте говорила о том, что рассвет близок. Гарри, размышлявший о тысячах и тысячах колдунов, спешащих к месту проведения финального матча, догнал мистера Усэли.

- А как все попадают на матч, чтобы маглы ничего не заметили? - спросил он.

- Это всегда было огромной организационной проблемой, - вздохнул мистер Уизли. - Беда в том, что на игре будет около сотни тысяч колдунов, и, естественно, у нас просто нет волшебного пространства такого размера, чтобы всех разместить. Конечно, есть места, куда маглы проникнуть не могут, но ты только представь, что бы было, если бы сотня тысяч человек вдруг появилась на Диагон-аллее или на платформе девять три четверти. Поэтому мы нашли большое пустынное болото и воздвигли вокруг него всю мыслимую и немыслимую противомагловую защиту. Министерство работало над этим многие месяцы. Прежде всего, разумеется, пришлось установить скользящий график прибытия. Людям, купившим дешевые билеты, пришлось приехать за две недели. Кое-кто - очень ограниченное число людей - поедет магловым транспортом, но мы не можем допустить, чтобы у них в поездах и автобусах было слишком много наших - не забывайте, колдуны прибывают со всего света. Ещё, насколько мне известно, рядом со стадионом очень удобный лесок для аппарирования. Для тех же, кто не хочет или не может аппарировать, используются телепорты. Это такие предметы, которые переносят колдунов из одного места в другое в заранее установленное время. При необходимости можно путешествовать большими группами. Мы установили по всей Англии в стратегически важных точках двести телепортов. Ближайшая к нам точка находится на вершине Горностаевой Головы, куда мы и направляемся.

Мистер Уизли показал рукой вперёд, туда, где за деревней Колготтери Сент-Инспекторт возвышалась огромная чёрная гора.

- А телепорты, они какие? - с любопытством спросил Гарри.

- Да любые, - ответил мистер Уизли, - сам понимаешь, незначительные предметы, такие, чтобы маглам не пришлось в голову их подбирать или играть с ними... всякие штуки, про которые они будут думать, что это обычный мусор...

В молчании, нарушаемом лишь стуком подошв, они тащились к деревне по тёмной, мокрой улице. Пока они шли по деревне, небо очень медленно светлело, и его чернильная чернота постепенно разбавлялась тёмно-синим. У Гарри ужасно замёрзли руки и ноги. Мистер Уизли поминутно поглядывал на часы.

Путники начали взбираться на Горностаеву Голову, и стало не до разговоров - дыхание перехватывало, они то попадали ногами в кроличьи норы, то поскользывались на кочках, поросших густой, чёрной травой. Каждый вдох отдавался у Гарри в груди острой болью, и мышцы в ногах уже стало сводить, когда наконец он снова почувствовал под ногами ровную поверхность.

- Ф-ф-у-у, - выдохнул мистер Уизли, снимая очки и вытирая их от пота, - что ж, мы пришли вовремя, у нас ещё есть десять минут...

Гермиона поднялась последней, держась за бок.

- Теперь осталось только найти телепорт, - сказал мистер Уизли. Он возвратил очки на нос и, сощурившись, оглядывал землю. - Что-нибудь небольшое... ищите...

Ребята разбрелись. Но не прошло и двух минут, как в неподвижном воздухе разнёсся крик:

- Сюда, Артур! Сюда, сынок, мы нашли его!

На другой стороне плоской вершины, на фоне звёздного неба вырисовывались силуэты двух высоких людей.

- Амос! - воскликнул мистер Уизли и с улыбкой направился к кричавшему. Дети последовали за ним.

Мистер Уизли пожал руку краснолицему колдуну с каштановой бородой-щёткой, в другой руке державшему заплесневелый старый башмак.

- Это Амос Диггори, ребята, - представил мистер Уизли. - Он работает в отделе по надзору за магическими существами. А с его сыном, Седриком, вы все, я полагаю, знакомы?

Седрик Диггори, удивительно красивый юноша лет семнадцати, учился в "Хогвартсе" и был капитаном и одновременно Ищейкой квиддичной команды "Пуффендуя".

- Привет, - поздоровался Седрик, обводя всех взглядом.

Все ответили: "привет", за исключением Фреда и Джорджа, которые едва кивнули. Они так и не простили Седрику того, что из-за него на первом же квиддичном матче прошлого года гриффиндорская команда потерпела поражение.

- Устали, Артур? - спросил отец Седрика.

- Ничего страшного, - отозвался мистер Уизли. - Мы живём всего-навсего по другую сторону холма. А вы?

- Пришлось вставать в два, правда, Сед? Да, скажу я вам, поскорее бы он сдал на аппарирование. Хотя... я не жалею... Кубок мира по квиддичу! Да за мешок галлеонов я не пропущу такого зрелища! Кстати, билеты так примерно и стоили. Но, похоже, я ещё легко отделался... - Амос Диггори добродушно обвёл глазами трёх сыновей Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. - Все твои, Артур?

- О, нет, только рыжие, - мистер Уизли показал своих детей. - А это Гермиона, подруга Рона - и Гарри, его друг...

- Мерлинова борода, - глаза Амоса Диггори расширились, - Гарри? Гарри Поттер?

- Э-м-м... да, - сказал Гарри.

Гарри привык, что, узнав, кто он такой, люди на него глазеют, привык к тому, что их взгляды мгновенно перебегают к шраму на лбу, но всё равно чувствовал себя от этого крайне неловко.

- Сед, понятное дело, о тебе много рассказывал, - сообщил Амос Диггори. -

И про вашу игру в прошлом году тоже рассказывал... А я ему тогда и сказал, слыш, говорю, Сед, ты ж потом будешь внукам рассказывать... как ты обыграл Гарри Поттера!

Гарри не нашёлся, что на это ответить, и промолчал. Фред с Джорджем моментально надулись. Седрик немного смутился.

- Гарри тогда упал с метлы, пап, - пробормотал он. - Я же говорил тебе... это был несчастный случай...

- Ясно! Но ты-то не упал! - добродушно пророкотал Амос, хлопнув сына по спине. - Всегда такой скромный, наш Сед, всегда джентльмен... но выигрывает всегда лучший, и Гарри тебе скажет то же самое, скажи, Гарри? Кто-то падает с метлы, кто-то удерживается... Не надо быть большого ума, чтобы сказать, который лучше летает!

- Должно быть, уже пора, - поспешно вмешался мистер Уизли, снова доставая часы. - Амос, ты не знаешь, где мы встречаемся с остальными?

- Нет, Лавгуды уже неделю как там, а Фоссетты не достали билетов, - ответил мистер Диггори. - А больше в нашем районе никого и нет, ведь так?

- По крайней мере, я никого больше не знаю, - согласился мистер Уизли. - Так - осталась минута... надо подготовиться...

Он обернулся к Гарри и Гермионе:

- Нужно просто дотронуться до телепорта, хотя бы пальцем...

Сталкиваясь набитыми рюкзаками, девять человек сгруппировались возле старого ботинка, который на вытянутой руке держал Амос Диггори.

Они стояли тесным кружком. По вершине холма пролетел порыв холодного ветра. Все молчали. Гарри внезапно пришло в голову, как странно бы всё это выглядело для маглов, случись им появиться здесь... девять человек, двое из них - взрослые мужчины, стоят в полутьме, хватаются за драный башмак и чего-то дожидаются...

- Три... - бормотал мистер Уизли, одним глазом глядя на часы, - два...

один...

Всё произошло мгновенно: Гарри словно с силой дёрнули за крючок, прицепленный к пупку. Ноги оторвались от земли; он ощущал по бокам присутствие Рона и Гермионы, сталкивающихся с ним плечами; все вместе они летели куда-то в завываниях ветра и вихре разноцветных пятен; башмак как магнит держал его за палец и тащил вперёд, а потом...

Подошвы вдруг впечатались в землю; на него натолкнулся Рон, и они вместе упали; телепорт шмякнулся на землю неподалёку от головы Рона.

Гарри поднял глаза. Мистер Уизли, мистер Диггори и Седрик, сильно взъерошенные, стояли на ногах; остальные лежали на земле.

- 5:07 от Горностаевой Головы, - сказал голос.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БЭГМЕН И КРАУЧ

Гарри высвободился от Рона и поднялся на ноги. Вокруг того места, где они приземлились, простиралось пустынное болото. Над болотом поднимался туман. Рядом стояли два мрачных, усталых колдуна. Один из них держал в руке большие золотые часы, второй - толстый пергаментный свиток и перо. Оба были замаскированы под маглов, правда, очень неуклюже; человек с часами надел к твидовому костюму болотные сапоги, а его коллега облачился в пончо поверх шотландской юбки.

- Доброе утро, Бейзил, - поздоровался мистер Уизли. Он подобрал с земли башмак и протянул колдуну в пончо, а тот швырнул его в стоящий рядом большой ящик с использованными телепортами. Среди них Гарри заметил старую газету, пустую банку из-под какого-то напитка и дырявый футбольный мяч.

- Приветствую, Артур, - устало ответил Бейзил. - Не на дежурство, нет? А жаль... Мы тут уже всю ночь... Вы бы лучше проходили поскорей, а то в 5:15 прибывает огромная команда из Чернолесья. Подождите, я найду ваш лагерь... Уизли... Уизли... - он просмотрел пергаментный список. - Приблизительно четверть мили отсюда, самое первое поле. Сторожа зовут мистер Робертс. Диггори... второе поле... спросите мистера Пейна.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)